

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-015

ДУША РАЗВЕДЧИКА ПОД ФРАКОМ ДИПЛОМАТА

М.Е. Болтунов

ХРАНИТЬ (год) вечно ЛЕТ

Гриф секретности снят

Михаил Болтунов

**Душа разведчика под
фраком дипломата**

«ВЕЧЕ»

2012

Болтунов М. Е.

Душа разведчика под фраком дипломата / М. Е. Болтунов —
«ВЕЧЕ», 2012 — (Гриф секретности снят)

Два столетия назад Барклай-де-Толли, в предвидении войны с Наполеоном, создал не только первый специальный разведорган – «Экспедицию секретных дел при военном министерстве», но и организовал зарубежные разведсилы – агентов. С тех пор они всегда были на переднем крае, впереди пограничных застав. Их называли по-разному – военными агентами, корреспондентами, атташе. Они представляют нашу страну за рубежом. По ним судят о стране. Они, если хотите, являются лицом России. Среди тех, кто служил в «корпусе военных дипломатов», – губернаторы, министры, руководители Генерального штаба, командующие округами и флотами, известные военачальники. Этим людям и их деятельности посвящена книга.

© Болтунов М. Е., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Первые дипломаты в погонах	7
«Иметь при посольстве... способного офицера»	14
Ружье для русской армии	23
Под платьем мелкого клерка	28
Горький опыт поражений	35
«нужно прислушиваться... к биению жизни»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Болтунов

Душа разведчика под фраком дипломата

© Болтунов М.Е., 2012

© ООО Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Два столетия назад талантливый военный деятель России, министр Барклай-де-Толли, в предвидение войны с Наполеоном создал не только первый специальный разведорган – «Экспедицию секретных дел при Военном министерстве», но и организовал зарубежные разведсилы – агентов. Отобрал лучших офицеров и послал их в Европу.

С тех пор силы эти неоднократно реорганизовывались, были периоды их расцвета и забвения, однако с годами, десятилетиями приходило осознание нужности, важности, ценности военных агентов и их деятельности.

Они всегда были на переднем крае, впереди пограничных застав. Разумеется, не они одни. Там работали «нелегалы», разведчики-«крышевики», но сегодняшний наш рассказ о «легальных» резидентах, – иными словами, военных атташе.

Их называли по-разному – военными агентами, корреспондентами, атташе. Что же это за люди? Я бы сказал, всецело государевы люди. Они представляют нашу страну за рубежом. По ним судят о стране. Они, если хотите, являются лицом России.

В свою очередь по их докладам, сообщениям, аналитическим материалам здесь, в Москве, складывается мнение о государстве, в котором они пребывают, несут нелегкую службу разведчика. Да-да, разведчика.

Во всем мире давным-давно не считается зазорным признать, что военный атташе и его аппарат занимаются разведкой. Ну а мы-то чем хуже других.

Уточним сразу, военный атташе – не всегда резидент, но практически всегда разведработник. В истории разведки трудно найти атташе и его помощников, чтобы они не занимались разведдеятельностью. Иное дело – эффективность этой деятельности.

В большинстве своем в русской, а позже и в советской армиях на военно-дипломатическую работу старались отбирать наиболее образованных, порядочных, опытных офицеров, имеющих богатый жизненный и профессиональный опыт. Разумеется, не всегда это получалось. Но что поделаешь, такова жизнь.

Как правило, среди военных агентов (атташе) было много заслуженных командиров – фронтовиков, удостоенных высоких наград. Так было после Русско-японской войны. Так было и после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда на работу в зарубежные страны отправилось немало Героев Советского Союза, офицеров, награжденных орденами и медалями. Соответствующий отбор давал свои результаты. Обогатившись опытом дипломатической и разведывательной деятельности, офицеры, возвратившись на Родину, успешно продвигались на службе, делали карьеру, поднимаясь нередко на самую вершину государственной власти.

Среди тех, кто служил в «корпусе военных дипломатов» – губернаторы, министры, руководители Генерального штаба, командующие округами и флотами, известные военачальники.

Этим людям, их деятельности посвящена книга. В первой части рассказывается о зарождении «корпуса дипломатов в погонах», его развитии, участии в войнах, включая и Великую Отечественную.

Во второй части – очерки о военных атташе послевоенного периода.

Часть первая

Первые дипломаты в погонах

Зимой 1810 года князь Барклай-де-Толли назначен военным министром Российской империи. Михаил Богданович не был паркетным генералом: командовал батальоном Эстляндского егерского корпуса, егерским полком, 6-й пехотной дивизией. За умелый переход по льду пролива Кваркен и овладение шведским городом Умео в 1809 году удостоен чина генерала от инфантерии, назначен главнокомандующим армией в Финляндии и финляндским генерал-губернатором. А через восемь месяцев он становится военным министром.

До войны с Наполеоном оставалось два года. Михаил Богданович спешил. Он оказался необычайно прозорливым и талантливым военным организатором. До сих пор по-настоящему не оценены его заслуги в преобразовании русской армии накануне войны 1812 года. В такой необычайно короткий срок военный министр занялся строительством крепостей и инженерных сооружений на Западном театре военных действий, закладывал тыловые базы, совершенствовал существующую дивизионную систему и развернул корпуса, упорядочил штабную службу, осуществил преобразования в звене высшего военного управления.

При нем введен новый устав пехотной службы, составлено первое в России положение о полевом управлении войск, и что очень важно – разработана стратегическая концепция ведения будущей войны.

Особое внимание Барклай-де-Толли уделял разведке. Однако первый же анализ состояния дел в этой области показал далеко не благополучное ее положение. Единой централизованной структуры военной разведки не существовало. В канцелярии управляющего квартирмейстерской частью чиновники занимались устройством дорог и расположением частей, архивными и текущими делами, наконец, топографией. Все это было важно и крайне необходимо, но в обязанности квартирмейстеров разведка не входила. Разведывательные сведения по военным и военно-политическим вопросам поступали из диппредставительств за рубежом сначала в Министерство иностранных дел, и лишь потом в Военное ведомство. А некоторые, попадая к канцлеру Румянцеву, уже не доходили до военных.

Такое положение дел не устраивало Барклая-де-Толли. Армии, образно выражаясь, нужна была своя разведка. И потому новый министр создал первый специальный централизованный разведывательный орган – «Экспедицию секретных дел при Военном министерстве».

Однако этого было мало. Нужны специальные зарубежные агенты, понимал Михаил Богданович. Именно они будут добывать такую необходимую в предвоенное время разведывательную информацию.

Агентов подбирали с особой тщательностью. В этот список министра Барклая-де-Толли в числе первых попал полковник Тейль Фан Сероскеркен, голландский офицер, верой и правдой служивший России. В 1805 году он участвовал в экспедиции на остров Корфу, в кампании 1807 года воевал с французами в Пруссии в казачьем отряде генерала Платова, во время войны со шведами сражался при Идельсальми, был ранен, занимал города Торнео и Умео.

Барклай-де-Толли, как главнокомандующий армией в Финляндии, знал Сероскеркена как храброго, смелого офицера, имеющего к тому же и голову на плечах. И командирование полковника в Вену в качестве адъютанта к российскому посланнику генерал-лейтенанту П. Шувалову станет лишь началом его большого дипломатического пути. После войны 1812 года полковник, а вскоре и генерал-майор Телль Фан Сероскеркен будет работать в российской дипмиссии в Неаполе, при папском дворе в Ватикане, позже станет посланником сначала в Вашингтоне, а через некоторое время в Рио-де-Жанейро.

Но это произойдет потом, а пока Сероскеркен отправлялся в Вену с конкретным заданием: организовать разведывательную работу и доставлять необходимые сведения о передвижении, численности войск Наполеона, их вооружении.

В Берлин к российскому послу генерал-лейтенанту Ливену направился в качестве адъютанта полковник Роберт, на русский манер Роман, Ренни. Он потомок выходцев из Шотландии. До того как успел попасть в список военного министра, служил в армии прапорщиком. За то, что не явился из отпуска в Шотландию, был уволен. Через несколько лет вновь поступил на службу в Елецкий пехотный полк, в польской кампании 1794 года воевал с конфедератами в Курляндии. За храбрость получил звание капитана.

Участвовал в экспедиции в Голландию. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1808 году произведен в полковники.

Теперь храброму Роберту Ренни предстояло стать разведчиком.

Военным агентом в Саксонии, где российское посольство возглавлял генерал-лейтенант Ханыков, стал майор Виктор Прендель. Он происходил из австрийских дворян, учился в Коллегиуме братства св. Бенедикта, состоял на военной службе. Участвовал в боевых действиях против революционной Франции, был ранен, пленен. Военным трибуналом приговорен к смертной казни, но бежал из тюрьмы.

Участвовал в прославленных Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. С 1804 года в звании штабс-капитана проходит службу в Черниговском драгунском полку. В следующем году назначен офицером для особых поручений к М.И. Кутузову. Отличился в сражении при Аустерлице, действуя с отрядом гусар и казаков в тылу противника. Пленил 60 офицеров и 260 вражеских солдат.

Потом в его жизни была русско-турецкая война, русско-прусско-французская. Во время австро-французской войны Виктор Прендель был прикомандирован к французским войскам и участвовал в сражениях при Регенсбурге, Асперне и Ваграме. Так что до отправки в Саксонию майор Харьковского драгунского полка Прендель был достаточно опытным, знающим офицером. И как нельзя лучше подходил к роли зарубежного разведывательного агента.

Четвертым офицером, отобранным для деятельности за рубежом, стал достаточно молодой офицер поручик Павел Брозин. Он был назначен адъютантом при посланнике в Испании генерал-майоре Репнине.

И тем не менее, на мой взгляд, первым российским военным агентом следует считать полковника Александра Ивановича Чернышева. Представитель старинного дворянского рода, он появился на свет в семье генерал-поручика, сенатора И.Л. Чернышева. С рождения записан вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Во время коронации Александра I произвел на императора благоприятное впечатление и был пожалован в камерпажи. Вскоре он становится корнетом Кавалергардского полка. В 1804 году – произведен в поручики.

Первое боевое крещение молодой офицер получил в Аустерлицком сражении, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Через год получил звание штабс-ротмистра.

Участвовал в кампаниях 1806–1807 годов. Отличился в сражениях при Гейльсберге и Фридланде. Удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса и золотой шпаги «За храбрость».

В 1808 году Чернышев направляется с письмом Александра I к Наполеону. Он становится личным представителем российского императора в военной ставке Наполеона. В ходе австрийской кампании 1809 года находится при Наполеоне, а за сражение при Ваграме удостоен ордена Почетного легиона.

С 1810 года Александр Иванович при дворе французского императора, он исполняет должность военного агента в Париже, руководит агентурной сетью. Достаточно сказать, что

уже в 1811 году Чернышев оплачивает услуги нескольких агентов – в военном ведомстве, в военной администрации, в Государственном совете.

Что же это были за агенты? Надо прямо сказать – ценные агенты. Например, сотрудник Военного министерства по кличке «Мишель». Он работал в составе небольшой группы чиновников, которая регулярно, а точнее раз в две недели, составляла донесение лично Наполеону. В донесении – сведения о численности и дислокации французских войск. Характерно, что документ в целях секретности изготовлялся в единственном экземпляре. «Мишель» просто снимал копию с донесения и передавал ее за соответствующее вознаграждение Чернышеву. Тот срочно отправлял ее в Петербург. Случалось так, что копия донесения ложилась на стол российского военного агента раньше, чем оригинал попадал к императору Наполеону. Российский государь высоко ценил своего посланца во Франции. Однажды на одном из донесений Чернышева он написал: «Зачем я не имею побольше министров, подобных этому молодому человеку».

А «молодой человек» тем временем весьма удачно играл в Париже роль этакого повесы, женского угодника. Еще бы, Чернышев был молод, красив, умен. О смелости и говорить не приходилось. Об этом трубили все парижские газеты. Когда в доме австрийского посла князя Шварценберга в столице Франции возник страшный пожар, русский агент первым бросился в огонь и, рискуя жизнью, спасал обезумевших от страха людей.

После этого в великосветских салонах только и говорили, что о красавце и храбреце из России. Судачили, якобы ему симпатизировала сама королева Неаполитанская, сестра Наполеона, а уж в другой сестре императора – легкомысленной Полине Бергезе – и сомневаться не приходилось. Молва приписала ей «любовную связь» с Чернышевым.

Кто знает, так ли это было, нет, но образ для разведчика был создан великолепный – репутация легкомысленного повесы служила хорошей маской для умного и ловкого российского агента, умеющего добыть ценную информацию в сложное предвоенное время.

Когда же в Россию пришла беда, Наполеон объявил войну, перешел границы империи, начал переправу через Неман, все военные агенты показали себя как истинные патриоты земли русской.

Полковник Александр Чернышев накануне войны подал рапорт императору Александру I, в котором говорил о необходимости соединения 1-й и 2-й Западных армий.

В сентябре – октябре 1812 года во главе партизанского отряда совершил рейд на территорию Варшавского герцогства в тыл армии французов. Он преподнес немало сюрпризов захватчикам. 29 сентября, выступив из Тересполья, Чернышев занял селение Бяло, где захватил пленных и продовольственный склад с магазином. На завтра он ступил в населенный пункт Мендзыржец и также уничтожил магазин. Далее несколько его подразделений действовали в городах Луков, Радзын, Коцк, сам же с остальным отрядом уничтожил переправу через реку Буг в районе Седльце и Дрогичин. Его казакам удалось уничтожить большой хлебный склад в Лукове, захватить пленных.

Свыше 400 верст прошел со своими офицерами и солдатами – уланами, гусарами, казаками – полковник Чернышев. Всюду уничтожал продовольствие, нападал на обозы, сеял панику в тылах врага.

В октябре 1812 года Александр Иванович получил новый приказ – затруднить движение Австрийского вспомогательного корпуса, который преследовал войска 3-й Западной армии. Вместе с казачьим полком майора Пантелеева он выдвигается навстречу неприятелю. Чернышев и здесь придает первостепенное внимание разведке. Его агенты докладывают: отряд генерала И. Мора движется к Неману, в местечко Мосты, чтобы переправиться через реку. Казаки, посланные Чернышевым, проходят на рысях сорок верст и уничтожают приготовленный для строительства переправы лес. Тем временем другие эскадроны разрушают мосты на реке Зельвянка.

Далее полк под руководством Чернышева и Пантелеева совершает рейд по тылам врага. Они вызволяют из плена генералов Винцингероде и Свечина, и еще несколько офицеров, захватывают французский пикет из двух десятков кирасир и драгун, выходят на неприятельские госпитали, уничтожают там оружие, забирают лошадей.

Рейд Чернышева длился около пяти суток. За это время казаки прошли 350 верст, уничтожая переправы, тыловые обозы, неприятельских солдат и офицеров.

За эту экспедицию Александр Чернышев получил звание генерал-майора.

Он и дальше воевал так же умело и храбро – под Мариенвердером нанес поражение войскам пасынка Наполеона вице-короля Италии Богарне, уверенно действовал против литовской дивизии при селении Цирк, и даже взял в плен командира этой дивизии. В кампанию 1813 года занял Берлин, штурмовал Люнебург и Кассель, сражался при Ганау.

Преуспел Александр Иванович и в послевоенной мирной жизни. Достаточно сказать, что он двадцать лет – с 1832 по 1852 год – возглавлял Военное министерство Российской империи.

Военный агент в Вене полковник Телль Фан Сероскеркен также воевал в 1812 году. Он находился при штабе 3-й армии, потом участвовал в заграничных походах. В 1813 году был произведен в генерал-майоры «в награду заслуг, оказанных в разных сражениях».

В Отечественную войну 1812 года Роберт Ренни, бывший военный агент в Берлине, назначен генерал-квартирмейстером 3-й армии. Он смело сражался под Кобрином, а за храбрость, проявленную в бою при Городецке, был удостоен звания генерал-майора.

С января 1813 года Ренни – начальник штаба корпуса генерала Винцингероде. Участвовал в сражениях при Клише, под Лютценом, Лейпцигом, Суассоном, Лаоном. В конце 1814 года Ренни назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса и участвовал во 2-м походе во Францию.

Майор Виктор Прендель, военный агент в Саксонии, прославил себя в боях 1812 года. Он участвовал в ожесточенном Смоленском сражении, командовал одним из подразделений в отряде генерала Винцингероде, «за отличие в партизанских делах» ему было присвоено звание подполковника.

Во время стояния Наполеона в Москве он со своим партизанским отрядом действовал в тылах французских войск под Рузой и Можайском.

В кампании 1813 года отличился в боях под Клише, за что произведен в полковники. Во время Лютценского и Баутценского сражений со своим отрядом вновь воюет на тыловых коммуникациях противника. Заменил Д. Давыдова после его отстранения от командования и возглавил летучий отряд. После сражения назначен комендантом Лейпцига.

В 1831 году Виктору Пренделю было присвоено звание генерал-майора.

Поручик Павел Брозин, который состоял военным агентом при посланнике в Испании, также участвовал в Отечественной войне 1812 года, воевал храбро и умело. Уже в октябре 1813 года он был пожалован в флигель-адъютанты, а в 1817 году произведен в генерал-майоры.

Хотелось бы подчеркнуть, что в эти годы военным гением Барклая-де-Толли было рождено еще одно направление в деятельности военной разведки – работа офицеров-разведчиков под так называемой «крышей», – прикрытием сугубо штатской должности в диппредставительстве Российской империи за рубежом.

Пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем потомки Барклая поймут перспективность «крышевой» работы. Особое распространение такая деятельность получит в XX веке. Разведчики будут выдавать себя за дипломатов, торговых представителей, сотрудников различных государственных и общественных организаций, журналистов.

Однако первым военным разведчиком-«крышевиком» мы можем считать артиллерию поручика Павла Граббе. В сентябре 1810 года он прибыл в Мюнхен и состоял в скромном «звании канцелярского служителя» при российской миссии.

Павел Христофорович был внуком шведского дворянина, еще в XVIII веке перешедшего на российскую службу. Отец его Христофор Граббе – отставной поручик Сибирского мушкетерского полка.

Павел закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Санкт-Петербурге и в 1805 году выпущен во 2-й артиллерийский полк подпоручиком. Несмотря на достаточно юный возраст, в том же году принимал участие в походе в Австрию, воевал против французов, сражался при Голымыне, Прейсиш-Эйлау, на реке Пассарге, при Хейльсберге и Фридланде.

В августе 1808 года поступил в 27-ю артиллерийскую бригаду, в сентябре – стал поручиком. А было ему всего 19 лет. Через два года его пошлют в Баварию.

Поручик Павел Граббе сделает блестящую карьеру – дослужится до звания наказного атамана Донского казачьего войска, а в 1866 году – станет членом Государственного совета Российской империи. Однако жизнь его будет полна взлетов и падений.

Уже после возвращения из-за границы Павел Христофорович попадет в лейб-гвардии конную артиллерию и будет участвовать в сражениях с французами под Витебском и Смоленском, при Бородино, под Тарутино.

За храбрость в боях при Малоярославце Граббе произведут в штабс-капитаны. Дальше будут бои при Вязьме, Дорогобуже, Красном, со своими артиллеристами он будет громить войска корпуса маршала Даву при Велане.

В 1815 году Павел Граббе участвует в походе во Францию, в 1817-м – командует Лубенским гусарским полком.

В 1822 году «за несоблюдение порядка службы» уволен в запас и не предан суду только «по уважению к прежней службе».

Через три года Павел Христофорович вновь на службе в Северском конно-егерском полку. Но в декабре 1825 года арестован по делу декабристов и препровожден в Санкт-Петербург.

1826-й выдался особенно тяжелым. 2 января Граббе освобожден из-под стражи, а на следующий день вновь арестован, посажен в крепость, однако в июне опять выпущен на свободу и возвращен в полк. Но теперь он всего лишь командир дивизиона. Участвует в компании против турок.

В 1829-м Граббе – командир Новороссийского драгунского полка. За отличие при штурме Рахова получает звание генерал-майора. Вскоре становится начальником штаба 7-го пехотного корпуса.

Войска на Кавказской линии и в Черномории генерал Граббе возглавит в 1838 году. Воюет с горцами, с повстанцами в Венгрии.

В 1852 году назначен членом комитета раненых, но уже на следующий год за беспечность и допущение государственного ущерба лишен звания генерал-адъютанта, арестован и предан суду с наложением запрета на все его движимое и недвижимое имущество. Правда, через два месяца запрет был снят и объявлен строжайший выговор. Граббе отпущен на жительство в имение в Полтавской губернии.

Но уже весной следующего года Павел Христофорович вновь был призван под армейские знамена и назначен командовать пехотой и артиллерией Кронштадтского гарнизона. Летом ему вернули звание генерал-адъютанта. Закончил свою карьеру Граббе, как мы уже сказали, членом Государственного совета.

Так сложились судьбы первых военных агентов России. А вот судьба первого специального центрального органа военной разведки сложилась не столь удачно. Он закончил существование вместе со своим создателем. В сентябре 1812 года Барклай-де-Толли был уволен с должности военного министра, и двухлетняя, не имеющая аналогов в истории, эффективная система военной разведки с центральным органом, зарубежными силами (агентами) и средствами ушла в историю.

После победоносного окончания Отечественной войны в конце 1815 года в связи с переходом армии на штаты мирного времени система военного управления была преобразована. В частности, учреждался Главный штаб Его Императорского Величества. Военное ведомство вошло в структуру Главного штаба. Начальник штаба князь П. Волконский поставил задачу перед управлением генерал-квартирмейстера создать «Общий свод всех сведений о военных силах европейских государств». И тогда вспомнили опыт Барклая-де-Толли – за границу были посланы несколько офицеров. Их прикомандировали к русским посольствам в Баварии (поручик Вильбоа) и во Франции (полковник Бутурлин). Несколько офицеров отправились на Восток – в Хиву и в Бухару. Но это были лишь отдельные поручения с целью выполнения конкретной, одноразовой задачи.

Нельзя сказать, что в послевоенное, мирное время армия оставалась без разведанных. Задачи по добыванию военной и военно-технической информации ставились военным ведомством через Министерство иностранных дел. Однако сколь труден и бюрократически тернист был этот путь! Дабы заставить чиновников МИДа заниматься сбором подобной информации, следовало получить разрешение самого императора. Да и в этом случае «высочайшее соизволение» не гарантировало успех. Тот же министр иностранных дел К. Нессельроде на просьбы военного ведомства отвечал, что его чиновники загружены собственными дипломатическими заботами, да к тому же плохо разбираются в вооружении, и всячески пытался «спихнуть» разведывательные задачи на... Министерство финансов и его представителей за рубежом.

Такое положение дел беспокоило военного министра. Разведанные были необходимы, вот и приходилось Чернышеву, что называется, бить челом и просить Нессельроде.

«Ваше сиятельство крайне меня бы одолжили, – писал в своем письме в декабре 1843 года Александр Иванович, – если бы изволили также поручить одному из чиновников миссий наших в Лондоне и Константинополе доставление подобных сведений об Англии и Турции».

Думается, Чернышев понимал всю ущербность такого положения, но поделать мало что мог. После Отечественной войны 1812 года Россия, на голову разгромив своего главного и очень сильного врага – наполеоновскую Францию, долгое время не имела достойного внешнего противника, который бы мог угрожать ее безопасности. Это доминирование и стало основой уверенности (а возможно, и самоуверенности) в силу и непобедимость русской армии. Скорее всего, поэтому развединформация, ни шатко ни валко добываемая через чиновников Министерства иностранных дел, в той или иной мере удовлетворяла потребности высшего руководства страны.

Однако годы шли. Политическая обстановка в мире менялась. Россия стояла на пороге новой войны – Крымской. Надо отдать должное: военный министр Чернышев и его окружение чувствовали острую нехватку свежей развединформации. Александр Иванович пытается «разбудить» МИД.

«Государь Император, – обращается он в Министерство иностранных дел, – желая, чтобы Военное министерство имело всегда сколь возможно полные и верные сведения о военных силах иностранных государств, своевременное получение коих необходимо для соображений министерства, высочайше повелевать соизволил возобновить с Министерством иностранных дел сношение...»

Откровенно говоря, некоторые поручения, предлагаемые военным министром, исполнили, но это не решало проблему в целом: для налаживания регулярного поступления ценных разведанных нужна была система. Единая, централизованная, обеспеченная силами и средствами. Система, которую, обогнав время, еще сорок лет назад внедрял Барклай-де-Толли.

И только жестокое, тяжелое поражение России в Крымской войне 1853–1856 годов, потеря более полумиллиона человек и Черноморского флота, заключение кабального Парижского мира открыли глаза руководству страны и вооруженных сил. Стала ясна ущербность и

неэффективность добывания развединформации за рубежом через чиновников Министерства иностранных дел.

Горький опыт Крымской войны был положен в основу военных реформ 1860-х годов. Одним из важнейших направлений этих реформ стали качественные преобразования в российской военной разведке. Кстати говоря, сама разведка первой откликнулась на эти преобразования. А начались они с осмысления исторических уроков прошлого. И вновь был востребован опыт Барклая-де-Толли.

«Иметь при посольстве... способного офицера»

Итак, как мы уже сказали, военная разведка раньше других служб сумела «переварить» опыт Крымской войны. Если милютинские военные реформы охватывают примерно десять лет – с 1860 по 1870 год, то «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу» был «высочайше утвержден» уже летом 1856 года, то есть сразу после окончания войны.

Офицеров, прикомандированных к посольским миссиям в иностранных государствах, называли «корреспондентами Военного министерства» или просто «военными корреспондентами», но чаще – «агентами». Так они именовались и в «Проекте».

Кстати говоря, «Проект» являлся первым в России директивным документом военным и морским агентам. Он вменял им в обязанности «приобретать наивозможно точные и положительные сведения о числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил... о различных передвижениях войск... о нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах... об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия... о лагерных сборах войск и маневрах... о духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов... о состоянии различных частей военного управления... о новейших сочинениях, касающихся до военных наук...»

Задачи были весьма серьезные. Агентам предписывалось «все означенные сведения собирать с самою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агентов малейшее подозрение местного правительства».

Император Александр II лично назначил агентов в четыре европейские столицы – в Париж, Лондон, Вену и Константинополь.

Кто были эти люди? Вот, к примеру, полковник граф Николай Павлович Игнатьев, направленный в Лондон. Ему едва исполнилось 24 года, но Игнатьев к этим годам успел закончить Пажеский Его Величества корпус и академию Генерального штаба. Кстати, по выпуску он был удостоен большой серебряной медали, а его имя занесено на мраморную доску лучших выпускников.

В 17 лет он начал службу корнетом в гусарском полку. Потом состоял при главнокомандующем гренадерским корпусом, был командирован в Эстляндию, для составления подробной дислокации войск. С 1855 года Николай Игнатьев уже дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а через год исполняет обязанности обер-квартирмейстера Балтийского корпуса.

Летом 1856 года Игнатьев едет в столицу Британии с личным поручением царя «изучить все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии».

Выполнить все задачи государя молодой полковник не успел. Слишком мало времени отвела ему судьба на пребывание в Англии – всего год с небольшим.

Будучи в Британском музее, где выставлялся строго секретный боеприпас – унитарный патрон новейшего образца, Николай Игнатьев «случайно» положил английскую оружейную новинку в карман. Британцы не простили похищение секретного патрона, разгорелся скандал, и граф был вынужден покинуть английскую столицу. Это стало уроком для молодого дипломата. Он стал осторожнее, хитрее, с годами обретая необходимый опыт и знания. Однако всю жизнь граф Игнатьев оставался большим энтузиастом тайных операций.

Ему еще не исполнилось тридцати, когда государь утвердил Игнатьева директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Ответив благодарностью на поздравление царя, Николай Павлович, тем не менее, твердо заявил, что не хотел бы долго засиживаться на этом посту.

Через несколько лет канцлер А. Горчаков предложил Игнатьеву должность посланника в Константинополе. Граф охотно согласился.

13 лет представлял интересы России в Турции Николай Павлович. Он имел значительное влияние на некоторых членов правительства, да и на самого султана Абдул-Азиза. Развернув сеть агентов, Игнатьев знал состояние дел в турецком правительстве, был посвящен в тонкости внешнеполитической деятельности страны, он умел добыть самый засекреченный документ. Однако проблема состояла в другом – как передать этот документ в Россию. Турецкая контрразведка вела тотальный контроль за перепиской русского посла. Специальные дипломатические пакеты с большими сургучными печатями, с гербом Российской империи вскрывались турками с легкостью. И тогда опытный дипломат и разведчик граф Игнатьев придумал простой, но гениальный ход – свою корреспонденцию он вкладывал в простые, самые дешевые конверты, которые хранил рядом с дурнопахнущими продуктами, например с провонявшей селедкой. Адрес подписывал не сам – грамотный, каллиграфический почерк посла привлекал внимание контрразведки. Личным писарем Игнатьева стал его лакей. Письмо направлялось не по адресу Министерства иностранных дел, а по какому-либо частному адресу, например мидовского дворника. Уловка удавалась, письма доходили в целости и сохранности.

Возвратившись в Россию, Игнатьев становится членом Государственного совета, руководит российской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира в 1878 году.

С 1881 года Игнатьев – министр внутренних дел Российской империи.

Кстати говоря, он – дядя Алексея Алексеевича Игнатьева, генерал-лейтенанта, военного агента России во Франции, автора известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю». Так что Николай Павлович может считаться основателем династии российских военных агентов Игнатьевых.

Генерал-майор Николай Новицкий, работавший в Лондоне в 1860-е годы, был опытнее и мудрее молодого Николая Игнатьева. Он уделял пристальное внимание оружейной теме. В 1864 году Николай Александрович подготовил разведдоклад об особом комитете, который был учрежден в Англии для обсуждения вопроса о пользе введения в Британской армии казнозарядного оружия. Оказалось, что этот особый комитет работал, что называется, не покладая рук. Всего за два летних месяца – июнь и июль – он заседал четыре раза. В ходе заседаний обсуждались доклады из воинских частей, где проходили испытания нового оружия.

В составе комитета были как сторонники, так и противники казнозарядного оружия. Однако вскоре удалось добиться единого решения: британская армия должна начать перевооружение казнозарядными винтовками.

Специалисты оружейной комиссии Российской империи тоже были вынуждены согласиться с недостатками системы, однако констатировали тот факт, что на сегодняшний день не существует ни одного образца казнозарядного оружия, который полностью удовлетворял бы всем запросам.

Так что, собственно, выбора не было. И ведущие страны мира, такие как Великобритания, Российская империя и другие, занялись поиском оптимальной системы для переделки дульнозарядных ружей. Следует отметить, что в этом поиске должная роль отводилась российскому военному агенту в Англии генералу Николаю Новицкому.

В 1864 году в помощь ему в Лондон был направлен поручик артиллерии Иван Драшковский. Он заказал переделку 6-линейной винтовки по методу Снайдера, а также приобрел уже готовый карабин и привез его в Петербург. Специалисты оружейной комиссии внимательно изучили и испытали карабин.

Потом было заказано еще несколько винтовок, переделанных по системе Снайдера, но уже другого калибра и под иные патроны.

Винтовку под патрон Шепарда поручили испытать поручику Драшковскому, еще одну винтовку, но уже под патрон Потте – стрелковому батальону лейб-гвардии Его Величества.

В июне 1866 года оружейная комиссия сделала заключение, что ружья Снайдера в том виде, в каком они были предоставлены, не могут быть признаны удовлетворительными. Казалось, на этом поставлена точка. Однако в спор специалистов-оружейников вновь вмешался генерал Новицкий. Он представил рапорт, в котором сообщал, что английский комитет провел большие испытания в Вульвиче. Из 50 стрелковых систем были выделены лучшие. Среди них системы Грина, Джослина, Вилсона, Вестлей Ричардса, Строма и уже хорошо известная нам система Снайдера. И все-таки в окончательном варианте комитет остановился на системе Снайдера и рекомендовал ее для переделки 200 тысяч ружей. Правда, теперь эта система вновь была усовершенствована и разработана под новый металлический патрон. Более того, Новицкий сообщал, что решение комитета уже переведено в практическую плоскость: несколько тысяч новых винтовок проходят испытания в войсках.

Рапорт военного агента Новицкого заставил оружейную комиссию возвратиться к обсуждению системы Снайдера. Однако в России к тому времени полным ходом шла переделка ружей по системе Карля, и уже возвращаться к Снайдеру и приспосабливать к нему русские оружейные заводы было бы слишком разорительным.

Что же касается генерала Новицкого, то он докладывал и о других винтовках системы Шасспо, Пиободи, Бокла.

Знали в русской оружейной комиссии и о конкурсе, объявленном английским комитетом на изготовление однозарядных и магазинных винтовок. В ходе конкурса были испытаны 94 оружейных системы. Лучшими признаны винтовки Ремингтона, Генри, Бартона, Фосбери, Мартини и другие. Все они хорошо были изучены российскими оружейниками.

Полковник Петр Альбединский, посланный в Париж, тоже действовал весьма эффективно. Достаточно сказать, что донесение, в котором аргументированно и весьма профессионально проводился разбор испытаний новых ружей и пуль, которые прошли во Франции, заставили рассмотреть этот вопрос на заседании Оружейного комитета России. Основываясь на выводах военного агента Петра Альбединского, комитет принял судьбоносное для русской армии решение: поставить на вооружение нарезные винтовки вместо гладкоствольных, с облегченными патроном и пулей.

Контрразведка докладывала, что Альбединский «сумел ловко расспрашивать об организации армии, о проходивших изменениях в огнестрельном оружии».

Доподлинно известно, что Петру Павловичу удалось завербовать очень ценного агента. Им был не кто иной, как личный ординарец французского императора. Он-то и передал российскому военному агенту чертежи нарезного оружия 12-го калибра, а также результаты его испытаний.

Достойным последователем полковника Петра Альбединского стал генерал-майор Петр Витгенштейн. Он был выходцем из древнего княжеского рода Витгенштейнов. Первый офицерский чин Петр Львович получил в 1851 году.

Будучи военным агентом в Париже, он внимательно следил за развитием военной техники и оружия. В 1862 году Витгенштейн направил в Россию рапорт о переделке во Франции дульнозарядных ружей в казнозарядные по системе Антуана Альфонса Шасспо. Он сообщал, что артиллерийский комитет Франции тщательно собирает сведения обо всех исследованиях этой ружейной системы, проводимых в других странах, а также сам проводит испытания. Так в Венсенской стрелковой школе прошли стрельбы, в ходе которых система Шасспо была признана лучшей. По итогам этих стрельб французы приняли решение продолжить испытание системы в войсковых условиях.

Через два года Петр Витгенштейн сообщил, что система Шасспо с кансольным воспламенителем почти окончательно избрана для переделки старых ружей.

Однако между специалистами вновь разгорелись споры. Достаточно авторитетный французский генерал Бурбака выступал за введение казнозарядных систем, но не консольного воспламенения. Его поддерживал военный агент Франции в Пруссии Тоннер.

И тем не менее в 1865 году Петр Витгенштейн окончательно сообщил, что после испытаний двадцати пяти систем оружия на вооружение французской армии все-таки была принята игольчатая система Шасспо.

В донесениях нашего военного агента в Париже речь, разумеется, шла не только о названном оружии. Он подробно докладывал и о винтовке Якоба Снайдера, об опытах по переделке старых французских винтовок по этой системе.

Не менее успешно вели разведработу и другие военные агенты – полковник барон фон Торнау в Вене, гвардейской артиллерии штабс-капитан Франкини в Константинополе и прибывший несколько позже в Неаполь полковник Гасфорд.

Так, в 1867 году барон Торнау прислал в Петербург рапорт о заказах австрийским артиллерийским ведомством ружей системы Венцеля и Верндля. Первая система применялась для переделки старых ружей, вторая использовалась при изготовлении нового вооружения. Самому изобретателю Верндлю было заказано изготовление нескольких тысяч винтовок.

К завершению 1868 года военное руководство Австрии желало иметь более полумиллиона казнозарядных винтовок, сто тысяч из которых – новой системы Верндля. Однако наш военный агент оценивал возможность австрийских оружейных заводов скромнее и считал, что к назначенному сроку они поставят в армию не более четырехсот тысяч винтовок.

Кроме европейских государств – Англии, Франции, Австрии, Швейцарии, Голландии, которые вели активное переоснащение своих армий, Россию весьма волновало состояние вооружения ее ближайшего соседа – Турции.

Военный агент в Константинополе Виктор Франкини был артиллеристом, выпускником Михайловского артиллерийского училища, и потому оружие любил, изучал и хорошо знал. С таким же уважением он относился и к оружию противника. Поэтому, не ожидая особых напоминаний из Петербурга, уже в первый год своего пребывания в командировке он добыл материал о винтовке системы офицера бельгийской службы Терссена и передал его в Россию.

Оружейная комиссия подвергла испытаниям ружье Терссена вместе с другими винтовками Альбини, Крнка, Баранова.

В 1867 году Франкини сообщил, что турецкое руководство после долгих размышлений для переделки старых винтовок приняло-таки систему Снайдера и заключило контракт с литтхской фабрикой на переделку тридцати тысяч ружей.

Однако туркам и этого показалось мало. Они закупили еще 4500 карабинов, переделанных в казнозарядные по системе Снайдера.

Военный агент Виктор Франкини указывал, что турецкое правительство перевооружению войск придает особое значение. Офицеры и солдаты плохо обмундированы и накормлены, часто им не выдают жалование, но все деньги уходят на переделку и закупку нового вооружения.

Очень продуктивно работал и российский военный агент в Брюсселе флигель-адъютант Эммануил Мещерский. До командирования за границу князь Мещерский успел послужить в кабардинском пехотном полку унтер-офицером. За боевые отличия был произведен в офицеры. Отличился в боях на Кавказе – в Аухте и в Большой Чечне. А вскоре показал себя весьма знающим и умелым разведчиком.

Судя по протоколам заседаний оружейной комиссии Арткома Главного артиллерийского управления, штабс-ротмистр Эммануил Мещерский только в 1867 году передал следующие разведсведения и образцы вооружения.

Итак, это материалы по системе Альбини, данные о новых металлических патронах с рисунками, отчет артиллерийского управления в Бельгии с программой испытаний стрелко-

вого оружия, еще один доклад о новом патроне с металлической гильзой фабриканта Рошара, брошюра о ружьях системы Кохрана.

Теперь назовем образцы, добытые военным агентом: ружье системы Альбини, две картечицы Кристофа, образцы новых металлических патронов, 2000 патронов от фабриканта Монтини.

В следующем году Мещерский доставил в Петербург ружье системы Террсена с патронами. В 1869 году руководству был представлен новый экземпляр этого ружья, а также винтовка Литтихского оружейника Бови и патроны к нему, ружье фабриканта Генри, духовое ружье бельгийца Галана.

Список добытых образцов оружия и разведматериалов по ним можно продолжать и дальше. Они являются подтверждением эффективности работы военного агента в Брюсселе.

Следует сказать, что после успешной военно-дипломатической и разведывательной деятельности Эммануил Мещерский был прикомандирован к прусской армии во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, командовал первой батареей 14-й артиллерийской бригады и героически погиб на Шипке при отражении атаки турок на гору Св. Николая.

Однако в 1856 году за границу были посланы не только военные, но и военно-морские агенты. Это случилось сразу после заключения Парижского договора. Генерал-адмирал и управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич писал министру иностранных дел: «...Признаю совершенно необходимым иметь при посольстве нашем в Лондоне способного, весьма образованного и весьма опытного морского офицера...»

Что же хотел от такого «морского офицера» в Лондоне великий князь и морской министр? Да, собственно, желал он одного – «подробных сведений о всех новейших улучшениях по морской части...»

Константин Николаевич понимал: источником угрозы для России является Англия. Это в первую очередь она навязала кабальные условия Парижского договора, по которому Российская империя не могла держать флот на Черном море.

Однако и этого «британской владычице морей» было мало. Она выражала недовольство итогами Парижского договора и стремилась положить конец возрождению России как военной и военно-морской державы. Оттого-то и нужен был в Лондоне «весьма образованный и весьма опытный морской офицер». И такой офицер нашелся.

Первым военно-морским агентом в столице Британии стал генерал-адъютант вице-адмирал Ефимий Путятин.

Когда Ефимий Васильевич попал на острова Туманного Альбиона, ему исполнилось 42 года. Он оказался самым старшим и опытным из плеяды военных и военно-морских агентов. За плечами у Путятина был морской кадетский корпус, служба мичманом на фрегате «Крейсер».

Куда только не бросала судьба Ефимия Путятина – на Балтику, на корабли Средиземно-морской эскадры, на Черноморский флот.

Ко времени приезда в Лондон Путятин имел не только опыт кораблевождения, но и дипломатии. В 1842 году он возглавлял русскую дипломатическую миссию в Персию. Успех ее был широко известен. Путятин и его соратники добились для России отмены ограничений на торговлю и наладили пароходное сообщение на Каспийском море.

Через десять лет Путятину поручили возглавить русскую миссию в Японии. Надо было установить дипломатические и торговые отношения со Страной восходящего солнца. Результат «путятинской» миссии – первый русско-японский договор 1855 года.

Он и после возвращения из Лондона вновь возглавит дипмиссию на Дальнем Востоке и заключит Тяньцзуньский трактат с Китаем.

Путятин вновь появится в Лондоне в 1858 году в том же качестве военно-морского агента Российской империи.

В 1860 году военно-морским агентом при российских посольствах в Италии, Великобритании и Франции станет контр-адмирал Григорий Бутаков. К тому времени Григорий Иванович был достаточно известным и любимым во флоте офицером. Он командовал тендером «Поспешный», фрегатом «Владимир», участвовал в героической обороне Севастополя, отличился при обороне Малахова кургана. Занимал высокий пост начальника штаба Черноморского флота, был губернатором Николаева и Севастополя.

Контр-адмирал Бутаков прославился как ученый и теоретик военно-морского искусства. Он составил «Свод морских сигналов», создал труд, отмеченный Российской академией наук, – «Новые основания паровой тактики».

Морской офицер Иван Лихачев в один из периодов своей службы на Черном море занимал должность начальника штаба при заведующем морской частью в николаевском порту контр-адмирале Бутакове. Позже он повторит путь своего командира и старшего товарища – тоже станет военно-морским агентом Англии и Франции. Случится это в 1867 году. До этого Иван Федорович пройдет большой путь – станет флаг-офицером при адмирале В. Корнилове, возглавит переход из Балтийского на Черное море отряда корветов, будет служить на Тихом океане, командовать отрядом крейсеров на Балтийском флоте, возглавит первую броненосную эскадру.

Кроме Англии, Франции и Италии с 1872 года Россия будет назначать своих военно-морских агентов и в Австро-Венгрию. Первым таким агентом в этой стране (а также по совместительству в Италии) станет адмирал Иван Шестаков.

Жизнь и служба Шестакова в чем-то похожа на жизнь своих предшественников. Военно-морским агентом он стал достаточно поздно – в 52 года. До этого служил адъютантом у командующего Черноморским флотом адмирала М. Лазарева, командовал тендером «Скорый», вместе с адмиралом Бутаковым составлял первую лоцию Черного моря, руководил Средиземноморской эскадрой, а после возвращения из заграничной командировки был назначен на высокий пост управляющего Морским министерством.

В заслугу Ивану Алексеевичу ставится то, что он смог добиться утверждения 20-летней программы (1883–1903 гг.) кораблестроения, по которой в России был построен океанский броненосный флот.

В 60-е годы произошло и еще одно важное событие, узаконившее пребывание за рубежом в составе дипломатических миссий военных и морских агентов. Мировое сообщество официально признало их статус и распространило на агентов все привилегии чиновников дипкорпуса.

Нельзя не отметить, что в ходе милютинских военных реформ в армии была восстановлена централизованная система разведки. 27 сентября 1863 года император Александр II утвердил на два года «Положение и штаты Главного Управления Генерального штаба». С этого дня в России вне зависимости от организационно-штатных мероприятий, изменений названия и даже общественно-политического строя будут действовать центральные органы военной разведки. А за рубежом работать военные и морские агенты при российских дипломатических представительствах.

Руководят сетью военных разведчиков два органа – военно-ученое и азиатское отделения Главного управления. Позже, поскольку «Положение» было временным, принятым на два года, военно-ученое отделение станет Военно-ученым комитетом.

Азиатское отделение в 1867 году будет переименовано в азиатскую часть и на нее возложат весь комплекс разведзадач азиатского региона. Через два года часть переименуют в делопроизводство. В нем «сосредотачиваются дела, касающиеся военных округов Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского».

Что же касается военно-морского флота, то за годы реформ и там произойдут большие изменения. В 1856 году в России создается Кораблестроительный технический комитет. В его функции входило планирование и рассмотрение программ строительства судов. Есте-

ственно, для комитета были очень важны сведения о военном кораблестроении иностранных государств, вооружении и технических средствах их флотов.

В 1856 году на морской ученый комитет возлагаются задачи по развитию «мореходных и вспомогательных наук, для совершенствования морских сил», в свою очередь корабельный технический комитет должен был отслеживать все «улучшения по технической части кораблестроения» как в России, так и за рубежом.

В отчете о посещении лондонской выставки 1862 года по предметам кораблестроения, мореплавания и артиллерии, к примеру, говорилось: «...Морскому ведомству через своих постоянных агентов, живущих в Лондоне, весьма полезно приобрести подробные чертежи всего того, что относится как до отливки снарядов, так и до их контроля при приеме заводов...»

Военно-морская разведка той поры опирается не только на своих «гласных» агентов, но и направляет за границу офицеров, которые следят за постройкой кораблей для российского флота, служат волонтерами в экипажах судов иностранных государств, входят в состав научных экспедиций.

А вот зарубежные силы и средства, скажем так, сухопутной военной разведки России представлены в основном военными агентами. В Париже работает полковник князь Витгенштейн, в Вене – генерал-майор барон Торнау, в Лондоне – кавалергардского полка полковник Новицкий, в Берлине – генерал-адъютант граф Адлерберг.

Пожалуй, самый известный и заслуженный из этой «смены» военных агентов – граф Николай Владимирович Адлерберг. Он происходил из балтийских немцев. Родился в семье члена Государственного совета Российской империи Владимира Федоровича Адлерберга. В 11 лет зачислен пажом к высшему двору. В 1830 году поступил в Пажеский корпус, а через шесть лет – в лейб-гвардии Преображенский полк.

В жизни Николая Адлерберга было все – торжественные парады перемежались с военными действиями, участием в боевых походах.

В 1839 году он принимает участие в торжественном открытии памятника Бородинской битвы, в следующем году командирован в Берлин на похороны прусского короля Фридриха Вильгельма III, несет караул при теле усопшего, а уже в 1841 году подпоручик Адлерберг воюет с горцами на Кавказе, штурмует укрепленный аул Чиркей, идет в бой при Акташ-Аухе, при Тепи-Юрте, при селе Архой в Малой Чечне.

С 1841 года уже поручик Адлерберг вновь в составе отдельного Кавказского корпуса. Он со своим подразделением прикрывает саперов, которые прокладывают дорогу, идет в авангарде частей генерала Фрейтага при проходе через Хубарскую позицию, командует правой колонной отряда, двинувшейся к укрепрайону Шамиля, затем состоит в авангарде генерала Пассека, принимает участие во всех боях, показывает себя храбрым, грамотным офицером.

В звании капитана в 1848 году Николай Владимирович назначен заведовать делопроизводством по особо секретным делам канцелярии Военного министерства.

Потом снова были бои и походы в Галиции и Венгрии. В 1853 году Адлерберг – градоначальник Таганрога, в 1854-м – военный губернатор Симферополя. В апреле следующего года он был удостоен звания генерал-майора, а через пять месяцев назначен состоять при миссии в Берлине. Там он прослужил десять лет. По возвращении назначен генерал-губернатором Финляндии, с 1881 года – член Государственного совета.

Следует отметить и тот факт, что накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов военная разведка использовала не только официальные «гласные» источники. Этого требовала предвоенная обстановка.

В 1875 году против турецкого засилия выступили народы Боснии и Герцеговины, вслед за ними поднялись жители Сербии, Черногории, Македонии.

Весной 1876 года пламя борьбы перебросилось в Болгарию. Турки ответили жесточайшим террором. Они подавили национальное движение в Боснии и Герцеговине, утопили в крови восстание болгар во главе с Христо Ботевым.

Россия сама находилась в крайне сложном положении. После поражения в Крымской войне в армии и во флоте оставалось много неразрешенных проблем, не была завершена военная реформа, перевооружение, чувствовалась острая нехватка хорошо подготовленных солдат-резервистов.

Министерство иностранных дел Российской империи пыталось дипломатическими методами добиться облегчения положения христианских народов на территории Турции. Однако этого не удалось сделать. Султан отверг проект автономии некоторых провинций в Болгарии, в Боснии и Герцеговине. Стало ясно – война на пороге.

Российская империя развернула в Бессарабии части действующей армии. В случае войны эти войска должны были вынести основную тяжесть боев. Сложностей – немало. Однако особенно остро ощущалась нехватка свежей, а главное, регулярной разведывательной информации, как сугубо военного, так и военно-политического характера. Командующий группировкой великий князь Николай Николаевич желал четко представлять дислокацию гарнизонов турецких войск на территории Болгарии, их вооружение, численный состав, фортификационные сооружения.

Для этого следовало заслать в одну из близлежащих к Болгарии стран своего человека. Однако миссия столь сложна и ответственна, что великий князь был в раздумьях.

Выбор пал на офицера по особым поручениям полковника Петра Паренсова. Он вскоре исчез из ставки, зато в Румынии у российского консула в Бухаресте барона Стюарта появился «родственник», прибывший из Кишинева.

Первым делом Петр Дмитриевич (а теперь Пауль Паульсон) заводил нужные знакомства, наносил визиты известным в столице людям, кутил, был щедр и участлив. Словом, вел себя как богатый родственник консула, не обремененный службой и заботами. На самом деле Паренсов подбирал себе помощников, изучал обстановку.

Вскоре агентурная сеть Петра Дмитриевича состояла из разных по своему положению людей. В их числе был, к примеру, как местный староста Матюшев, так и крупный зерноторговец и банкир Евлогий Георгиев. Однако всех их объединяло одно – они любили свою пограничную Родину, были патриотами Болгарии.

Матюшевские агенты следили за передвижением турецких судов по Дунаю. Братья Христо и Евлогий Георгиевы держали склады по всей Болгарии. Их торговые агенты мотались по стране, доставляя ценную информацию, а также вместе с зерном везли в Румынию и разведсообщения для Пауля Паульсона. Вскоре эти сообщения попадали в ставку русских войск в Бессарабии.

Сам Паульсон тоже был человеком беспокойным, не засиживался подолгу в столице. То и дело пересекал Дунай, объясняя туркам, что вынужден посетить могилу своего родственника. Паренсов понимал, что вскоре нашим войскам придется форсировать Дунай, и потому сам проводил рекогносцировку местности, изучал, уточнял береговые позиции турецкой армии.

Когда 15 июня 1877 года передовой отряд под командованием генерала Гурко пошел на форсирование Дуная, у командующего были все необходимые сведения о противнике. В успехе отряда Гурко несомненно есть большая доля труда одного из первых наших военных разведчиков-нелегалов – Петра Дмитриевича Паренсова.

Управляющий военно-ученым комитетом генерал Н. Обручев так оценил работу полковника Паренсова. «Никогда еще, – восхищался генерал, – данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшей войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи...»

Остается добавить, что после войны и освобождения Болгарии русский военный разведчик Петр Паренсов стал военным министром этой страны. На базе ополченских отрядов он сформировал болгарскую армию, открыл военное училище.

Несмотря на одержанную победу после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, становится ясно, как писал управляющий военно-ученым комитетом: «...политические осложнения, вызванные последней войной, обнаружили, что при настоящем своем устройстве Комитет не может вполне удовлетворительно отвечать этой задаче». Речь шла, разумеется, о разведке. Были разработаны предложения по увеличению штатов руководящего органа разведки. Но военный министр рекомендовал «при теперешнем требовании от всех ведомств сокращения расходов», наоборот, уменьшить штат. К счастью, на Военном совете удалось отстоять предложения об увеличении числа делопроизводителей.

Выросло количество сотрудников и в Азиатской части, но и задачи выросли многократно: «в связи с развитием наших Азиатских окраин» и «периодическим осложнением в сопредельных с нами государствах». Теперь уже делопроизводители Азиатской части должны были не только «снаряжать военно-ученые и другие экспедиции», но и заниматься «сбором и обработкой сведений о вооруженных силах Азиатских государств». В их обязанности входили и «сношения с военными агентами» в этих государствах.

Таким образом, роль Азиатской части под воздействием военно-политических факторов постоянно росла, становилась весомее. И это вполне соответствовало духу времени. Ведь на Дальнем Востоке между Японией и Китаем назревал конфликт, в который могли вмешаться и европейские государства.

Революционные ветры в Японии разрушили вековую изоляцию страны от остального мира и пробудили воинствующие силы самураев. В 1847 году Япония попыталась захватить Тайвань.

Военно-политическая обстановка осложнилась. Для России она осложнилась в особенности. На всех театрах военных действий – в Европе, Азии, особенно на Дальнем Востоке – империи нужна была сильная армия, флот, а вместе с ними – эффективная военная разведка.

Ружье для русской армии

Военные агенты Российской империи, работавшие за рубежом во второй половине XIX века, были выходцами из знатных, богатых семей. Они носили графские и княжеские титулы. Николай Игнатьев был графом, фон Торнау – бароном, Витгенштейн – князем. Все, как правило, получали хорошее по тем временам образование. Обучались, к примеру, в Пажеском Его Величества корпусе, потом заканчивали Николаевскую академию Генерального штаба. Случалось, что образование исчерпывалось обучением в корпусе. Порою было и по-другому. Тот же барон Торнау являлся выпускником благородного пансиона при императорском лицее.

Однако даже этим достаточно образованным людям не хватало технических знаний. Из «первого призыва» военных агентов 1856 года, командированных Александром II за границу, только Виктор Франкини окончил Михайловское артиллерийское училище и достаточно профессионально разбирался в артиллерийских и стрелковых системах.

Со временем понимание того, что военным агентам нужны помощники по технической части, придет. Но это будет позже, уже в начале следующего века. Такую должность введут, правда, только две на все европейские резидентуры.

Интересные примеры технической безграмотности наших военных агентов приводит Т. Ильина в своей книге «Военные агенты и русское оружие».

«С обязанностями официального представления они справлялись, – пишет автор, – но в технических вопросах разбирались слабо... Военный агент в Вене прислал чертеж трубки австро-венгерской полевой артиллерии № 5. Оказалось, что это – копия контракта на поставку повозок».

Следуя донесению агента, Генеральный штаб предложил приобрести негласным путем германский порох последнего образца по весьма дорогой цене – 1 франк за грамм. ГАУ заказало 500 граммов, а военный агент прислал старый, который никакого интереса не представлял.

Военный агент в Брюсселе должен был купить образец дистанционной трубки. Чертеж и описание ее купили, а оказалось, что это «грубо отделанная болванка, похожая на трубку».

В таких условиях технически грамотные военные агенты были, что называется, на вес золота. Первым среди них, несомненно, следует считать Александра Павловича Горлова. В плеяде самых ярких военных дипломатов России он занимает особое место. Талантливый ученый, высокопрофессиональный технолог, успешный конструктор, смелый разведчик – все это о нем, о генерале Горлове. И тут нет преувеличения. Полтора десятка лет провел он за границей, изучая иностранное вооружение. Сначала это были поездки в Европу – в Бельгию, в Англию – для сбора сведений по артиллерийской части, для постройки лафета, потом в Соединенные Штаты Америки. Там он провел более трех лет, в том числе и в качестве военного агента.

С 1873 по 1882 год генерал Горлов представил Российскую империю в Великобритании.

За эти годы Александр Павлович досконально изучил военную промышленность США и Англии. Авторитет генерала Горлова был столь высок, что трижды по его рекомендации в русскую армию принимали на вооружение лучшие зарубежные образцы огнестрельного оружия – винтовку, созданную на основе системы Бердана, картечницу Гатлинга – Горлова и револьвер Смита-Вессона. А в 1881 году по настоянию Александра Павловича наша армия получила новое холодное оружие – драгунские казачьи шашки и палаши.

Жизнь и боевая практика войск показала, что генерал Горлов не ошибся в выборе – два десятка лет помогала побеждать воинам русской армии на полях сражений надежная винтовка Бердана, еще больше – четверть века служил верой и правдой мощный револьвер Смита-Вессона.

Таков весомый вклад генерал-лейтенанта Александра Павловича Горлова в дело вооружения и укрепления боеспособности русской армии в 1860–1880-е годы XIX столетия. Сле-

дует подчеркнуть: то, что сумел сделать Горлов, не удалось повторить никому. Свой уникальный талант военного дипломата и оружейника, помноженный на энергию, глубокие знания и опыт, Александр Павлович отдал до конца своей Родине.

Кто же он такой, генерал Горлов, и как ему удалось совершить столько славных дел во имя России?

...Маленький Саша появился на свет в дворянской семье, в Казанской губернии в 1830 году. На службу поступил фейерверкером в 13 лет. Через полгода стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. От своих сверстников отличался тем, что любил и желал учиться. Свой первый офицерский чин подпоручика получил не за ратные подвиги, а именно за отличие в науках.

В 1850 году подпоручик Горлов был выпущен из офицерских классов Михайловского артиллерийского училища и определен в конноартиллерийскую бригаду. Однако прослужил он в бригаде недолго. Его научные способности, знания артиллерийского дела были по достоинству оценены: Горлова принимают на службу в Военно-ученый совет, назначают на должность помощника ученого секретаря артиллерийского отделения.

Семь лет Александр проходил в помощниках. Однако это не смущает молодого офицера. Кроме исполнения своих служебных обязанностей он активно занимается наукой. Его интересуют, например, проблемы отката артиллерийского лафета во время стрельбы. И Горлов проводит опыты, в ходе которых исследует законы отката.

В 1858 году Александр Павлович становится ученым секретарем. В следующем году отделение преобразуют в Артиллерийский комитет. Ученым секретарем Арткома утвержден Горлов.

К тому времени он уже совмещает работу в комитете с преподаванием в артиллерийской академии.

В этот период Горлов время от времени выезжает в командировки как по России, так и за рубеж. В 1858 году он испытывает мортиры станка в Калуге, а в следующем году направляется за границу – в Бельгию, потом в Англию.

Дома, в заграничных командировках Александр Павлович старается разрешить сложную конструкторскую проблему: создать лафет для казнозарядной пушки.

И такой лафет для восьмидюймовой пушки был разработан и принят на вооружение русской армии. После проведенных испытаний лафеты Горлова разместили в казематах Кронштадта.

В 1865 году начинается новый этап в жизни полковника Александра Горлова. Он едет в Северо-Американские Соединенные Штаты. Цель поездки – сбор сведений о развитии артиллерии.

Сведения были успешно собраны, отчет о состоянии артиллерии в США составлен. Кроме того, Горлов привез в Россию из-за океана новые американские винтовки. Испытания этих винтовок убедительно доказали, что Соединенные Штаты по уровню стрелкового оружия оказались далеко впереди самых развитых стран Европы. В Главном артиллерийском управлении приняли решение: используя американский опыт и технологии, создать новую современную винтовку. Если эксперимент удастся, этой винтовкой перевооружить русскую армию.

В ГАУ понимали, сколь важна и ответственна эта задача. Тут нужны были люди, обладающие разносторонними качествами, как дипломатическими, военно-техническими, так и сугубо деловыми. Такими людьми оказались полковник Александр Горлов и поручик Карл Гунниус.

Карл Иванович был младше Горлова, но ко времени их командировки немало повидал и испытал. Окончив Михайловское артиллерийское училище, участвовал в боевых действиях против горцев, удостоился ордена и медали, а в 1861 году был прикомандирован к оружейной

комиссии. С тех пор увлекся конструированием стрелкового оружия. Позже, по возвращении из США, он, как талантливый инженер, возглавит патронный завод.

Словом, в январе 1867 года Горлов и Гунниус ступили на американскую землю. За дело взялись энергично. Сначала тщательно изучили образцы нового стрелкового оружия и патронов. Познакомились с изобретателями-оружейниками, побывали на заводах, приняли участие в испытаниях образцов оружия. Так, интересными оказались конкурсные испытания новых казнозарядных винтовок в Нью-Йорке. Правда, на них Горлов и Гунниус оказались не одни. Сюда также были приглашены специалисты-оружейники из Англии, Дании, Испании. 25 систем были представлены на конкурс. Лучшие результаты показали винтовка Пибоди, Ремингтона-Ройдера и Бердана.

Следующий конкурс, на котором побывали Горлов и Гунниус, проводился в Вашингтоне. Здесь они изучили 15 систем магазинного оружия.

После проведенной работы русские офицеры пришли к выводу о необходимости создания для русской армии новой однозарядной винтовки. Остановились на винтовке системы Бердана.

В июле 1867 года в своем рапорте Горлов и Гунниус докладывали: *«Вопрос относительно выбора наилучшей системы скорострельного оружия нами решен. Новая, усовершенствованная система Бердана превосходит все другие известные доселе в Америке и имеет действительно столь замечательные качества, что мы нимало не колеблемся, предлагая исключительно это ружье для вооружения русской армии. Как результат всех наших трудов за все время пребывания нашего в Америке мы представляем ружье Бердана и его патрон».*

Однако, несмотря на то что система была определена, предстояло еще усовершенствовать сам образец новой винтовки. Этим и занялись наши офицеры. По разным источникам, Горлов и Гунниус внесли в винтовку Бердана от 20 до 35 конструкторских изменений и улучшений. Был усовершенствован также и патрон к этой винтовке.

В октябре 1868 года наконец все работы – от создания винтовки и патрона до подписания контрактов с заводами – завершились.

Карл Гунниус с новой винтовкой отбыл из США в Россию. Горлов остался в Америке. У него хватало забот: он постоянно находился на заводе Кольта, где выпускались винтовки, следил за выполнением заказа. В конце рабочего дня ему приходилось отправляться на завод в Бриджпорт. Там шло изготовление патронов. Нередко случалось выезжать и в Нью-Йорк для оплаты счетов по заказам.

В общем, здесь он был, как говорят в России, «и швец, и жнец, и на дуде игрец», – конструктор, технолог, финансист, контролер.

Правда, вскоре изменился и его статус. В апреле 1868 года пришло известие: Александр Павлович Горлов назначен российским военным агентом в США.

Впрочем, делами о выполнении заказа и поставке винтовок Бердана в Россию заботы Горлова не ограничивались. Только весной 1870 года он отправит на родину последнюю партию оружия – ящики с винтовками и патронами, а еще в 1867 году получит от Арткома задание – собрать наиболее полные сведения о картечнике Гатлинга. Эта система относилась к многоствольному револьверному типу картечник с вращающимися стволами.

Горлов, изучив систему, ответит в Артком, что артиллерийское ведомство США дало оружию положительную оценку и сделало заказ на сотню установок.

Александр Павлович был лично знаком с изобретателем картечниц Ричардом Гатлингом и достаточно хорошо знал их производство, так как они выпускались на том же заводе Кольта. Именно поэтому он сделал окончательное заключение в пользу систем Гатлинга и доложил в Артком, что «введение таких орудий в нашу армию совершенно необходимо».

Горлов занялся усовершенствованием системы Гатлинга и в ходе этой работы по сути создал новый вариант картечницы, приспособив ее под русский патрон. Когда система была создана в Америке, она получила название картечницы Гатлинга – Горлова.

Заказ на изготовление этих картечниц Александр Павлович разместил на хорошо знакомом ему заводе Кольта. Однако на этом его деятельность не закончилась. Он умело работал с компанией «Пушки Гатлинга», и в ноябре 1869 года президент компании подписал свидетельство, которое давало правительству России право изготавливать картечницы на отечественных заводах.

В 1870 году картечницы приняли на вооружение части полевой артиллерии русской армии.

Крупнейший биограф и исследователь деятельности Александра Горлова Т. Ильина, рассказывая об этом периоде его жизни, пишет: *«Неустанные труды генерала Горлова по созданию нового скорострельного оружия, организация его производства для России и в России подошли к концу. Отправив на родину винтовки, картечницы, револьверы, патроны, их чертежи и станки, он сделал все, что было в его силах, для перенесения американского производства на русскую почву».*

Домой в Россию генерал-майор Александр Горлов возвратился в 1870 году. Интересно, что его возвращение сыграло решающую роль в том, что на вооружение русской армии был принят револьвер Смита-Вессона, а не какой-нибудь другой.

Дело в том, что Артком давно ломал голову над поиском нового образца пистолета или револьвера. Спорили специалисты, боевые офицеры, рассматривались разные системы оружия. В 1870 году проводились испытания револьвера Галана, однозарядных пистолетов Бердана и Ремингтона, двухзарядного пистолета Лилиенфельда.

Предварительную победу одержал пистолет Ремингтона. Признали, что пистолет может быть пригоден для вооружения. Что ж, возможно, так бы и случилось, но Ремингтону не повезло. Из-за океана после длительной командировки вернулся военный агент в США генерал Горлов. Он доставил в Россию усовершенствованный револьвер Смита-Вессона и сумел доказать оружейной комиссии, что это лучший на сегодняшний день револьвер.

В следующем, 1871 году револьверы Смита-Вессона были приняты на вооружение в русской армии, а завод Спрингфелда в США получил крупный заказ на изготовление 20 тысяч револьверов с патронами.

Этот револьвер разных образцов состоял на вооружении в кавалерийских и конноартиллерийских частях, на флоте и даже в жандармских и конвойных подразделениях.

На родине генерал Горлов задержался ненадолго. Уже в 1873 году Высочайшим повелением он был назначен военным агентом в Англию.

Войдя в курс дел, Александр Павлович обратился к своей любимой теме. В Лондоне на сей раз его привлекло холодное оружие. Как всегда, Горлов обстоятельно занялся изучением вопроса: познакомился с представителями фирмы-изготовителя, побеседовал, как он сообщает, с «авторитетами по фехтованию», прочел некоторые сочинения, касающиеся холодного оружия, разумеется, рассмотрел образцы. И в конце концов пришел к выводу, что «наши нынешние образцы холодного оружия требуют существенных изменений, чтобы не отстать от иностранного».

Об этом в апреле 1874 года в письме на имя военного министра и поведал Александр Павлович Горлов. Аргументы опытного военного агента в Лондоне убедили министра. Горлову выслали несколько образцов офицерского и солдатского оружия и поручили на английском заводе изготовить новые сабли и палаши в соответствии с его предложениями.

А предлагал Горлов вот что. В России главным назначением холодного оружия всегда была рубка, тогда как в Англии и во Франции – «колотие, – считал агент, – как самый опасный

для противника способ действия». И потому сабли в этих странах были почти прямыми. А чтобы ими можно было и рубить, рукоятку сабли делали симметричной по весу с обеих сторон.

Нашей кавалерии, считал Горлов, не следовало бы оставаться со старыми саблями и рисковать понести страшные потери. Он предлагал принять один образец сабель для кавалерии, исключив кирасир. Кривизну сабли надо уменьшить, улучшить фигуру сечения, изменить рукоятку.

В следующем, 1875 году генерал Горлов приехал в Петербург и привез с собой новые образцы холодного оружия. Они были переданы в войска для проведения испытаний. Но началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов, и о саблях Горлова забыли.

Но сам Александр Павлович о них не забывал. В конце 1879 года он попросился на побывку. Прибыв в Петербург, отыскал свое оружие и вновь начал испытания. И не отступил до тех пор, пока в 1881 году новые шашки и палаши не были приняты на вооружение.

Да, оружие стало любимой темой генерала Горлова. И здесь ему не было равных. Однако не забывал он и о других направлениях работы военного агента – добывал материалы и документы по вопросам обучения войск английской полевой артиллерии, обобщив разведданные, написал монографию «Вооруженные силы Англии», в которой раскрыл состав, организацию, численность, вооружение английской армии, места дислокации, военный бюджет, принципы обучения и комплектования.

За отличия в службе Александр Павлович Горлов в период своего пребывания в Англии был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1882 году закончилась очередная длительная зарубежная командировка Горлова. Он возвратился на родину и принял должность инспектора местных арсеналов Главного артиллерийского управления.

Четыре года нес нелегкую инспекторскую службу генерал-лейтенант Александр Павлович Горлов. В 1886 году он ушел в отставку.

Скончался генерал Горлов уже в XX веке, в 1905 году.

Под платьем мелкого клерка

До 1885 года в военно-морском флоте разведкой руководила канцелярия Морского министерства. Однако в этом году был восстановлен Главный морской штаб. В штатное расписание штаба вошел военно-морской отдел. Именно на него и возложили обязанности по сбору сведений об иностранных флотах. В ведении отдела находились и военно-морские агенты России.

В армии до конца XIX века зарубежной стратегической разведкой ведали два органа – военно-научный комитет и Азиатская часть Генерального штаба. Только в 1900 году в штат Главного штаба включена генерал-квартирмейстерская часть, состоящая из статистического и оперативного отделений. Теперь функции Азиатской части были переданы статистическому отделению.

Что же касается зарубежных сил генерал-квартирмейстерской части, то основные надежды возлагаются на тех же военных агентов.

Правда, здесь надо сделать некоторое отступление. В 1892 году была предпринята попытка укрепить зарубежные силы, расширить их круг.

Помните артиллерии поручика Петра Христофоровича Граббе, который в далеком 1810 году под видом канцелярского служителя при русской дипломатической миссии был послан в Мюнхен? С тех пор прошло более 80 лет. Не знаю, помянули ли добрым словом Петра Христофоровича нынешние министры – военного ведомства, внутренних дел и помощник министра иностранных дел, но по итогам своей встречи они выпустили протокол. Главное в этом протоколе было то, что высокие чиновники возвратили к жизни идею возрождения негласных военных агентов – специально отобранных офицеров.

Вскоре первые негласные военные агенты выехали за рубеж: секретарями в консульство в Кёнигсберг штабс-капитан Нолькен, в Будапешт – Генерального штаба капитан Муравьев-Амурский и в Дрезден – штабс-ротмистр Миллер.

Казалось бы, ничто не может помешать начать успешную работу во благо разведки этим трем офицерам. Но увы. Многие детали и тонкости службы негласных военных агентов не были продуманы.

Во-первых, все эти люди заняли весьма низкие должности секретарей консульств. А ведь на родине, в России они принадлежали к высшим слоям общества. Штабс-капитан Нолькен был бароном, Генерального штаба капитан Муравьев-Амурский – графом. Они получили прекрасное образование, воспитание, закончили элитные военные учебные заведения. Мало того, что подобное назначение больно било по самолюбию, ущемляло их сословное положение, но назначение таких людей не могло ускользнуть от внимания контрразведки.

Во-вторых, отсутствовал опыт тайного внедрения военных агентов на эти должности. На первый взгляд нет ничего особенного в том, что, уволившись с военной службы, отставной офицер подает рапорт на имя министра иностранных дел. Но как известно, это был «особый отставник». И о нем сообщалось послу, но почему-то не секретной диппочтой, а обычным письмом. Естественно, такой пакет попадал в руки контрразведки, и они были готовы во всеоружии встретить подобного «секретаря».

Были и другие несуразности и просчеты. Так, секретарем консульства в Чифу, в Китай, в 1896 году прибыл полковник Десино. А вместе с ним приехал и помощник в звании поручика. Вот так секретарь консульства!

Естественно, под штатским платьем мелкого клерка китайцы быстро разглядели погоны. Десино неоднократно жаловался своему руководству, что окружающие уверены в том, что он военный агент, а порою и напрямую обращаются к нему по званию.

Таким образом, толковая, перспективная идея – внедрение в зарубежные страны негласных российских военных агентов – из-за плохой проработки была попросту дискредитирована. В конечном итоге Нолькена, Муравьева-Амурского и Миллера отзывали, а Десино назначили гласным военным агентом.

Разумеется, для сбора разведывательной информации использовались возможности различных научных экспедиций. Примером тому экспедиции известного русского путешественника, почетного члена Петербургской академии наук полковника, а потом и генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского. Он руководил экспедицией в Уссурийский край и еще несколько раз выезжал в районы Центральной Азии. Из каждой поездки привозил ценные коллекции растений и животных, докладывал о географических открытиях. Однако Пржевальский всегда оставался прежде всего человеком военным, понимающим важность разведанных. Его описание Эрзерумского виласта очень помогло при планировании армейских операций на этом театре военных действий.

Кроме военно-научных экспедиций офицеры командируются за границу с конкретными разведывательными задачами. Такую задачу, к примеру, получил генерал-майор Алексей Куропаткин, кстати, будущий военный министр. В 1886 году он был направлен с секретной миссией для сбора разведанных о турецких позициях на Босфоре. Заграничный паспорт ему выписали на имя Александра Ялозо. Официально он занимался самой прозаической деятельностью – закупкой скота.

О своем рискованном путешествии Алексей Куропаткин рассказал в книге «Семьдесят лет моей жизни».

Однако надо признать, что все эти разведмероприятия носили временный, нерегулярный, одноразовый характер и были ориентированы на решение конкретной, локальной разведзадачи. Системность в те годы просматривалась в работе, пожалуй, только одной категории специалистов – гласных военных агентов, а их обязанности охватывали комплекс задач, столь необходимых и важных для вооруженных сил страны.

Так в «Инструкции военным агентам», утвержденной военным министром в 1880 году, предписывалось: «Изучать состав и комплектование вооруженных сил; организацию и численность по мирным и военным штатам: расположение их и способы мобилизации и сосредоточения, устройство материальной и хозяйственной части, обеспечение вооружением, ремонтами, обозом, провиантом и фуражом; тактическое обучение войск, развитие военного образования в армии, бюджет государства, и особенно военный...»

В «Инструкции...» говорилось о методах разведработы, и конкретно «о заблаговременном приискании надежных лиц, через посредство коих можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва», то есть, иными словами, на период военных действий.

Безусловно, «Инструкция...» документ важный и крайне нужный, но дело вершили конкретные люди, офицеры императорской армии и флота. Именно от них, от их умения, таланта, усердия зависели успехи или неудачи военной разведки.

Кого в те годы, в последнее десятилетие XIX века командировали за границу в качестве военных и военно-морских агентов?

В Германии почти семь лет с 1894 года работал подполковник, а потом и полковник Павел Енгальчев, в Берлине – полковник Александр Бутаков, в Австро-Венгрии – полковник Степан Воронин, а с мая 1900 года – подполковник Владимир Рооп. В Великобритании почти полтора десятилетия с 1891 по 1905 год Российской империю в качестве военного агента представлял полковник, позже генерал-майор Николай Ермолов, в Дании, Швеции и Норвегии полковник Михаил Фон-Блом, в Италии капитан князь Николай Трубецкой, в Греции, а потом в Турции – полковник Эммануил Калнин.

Военно-морское ведомство направило в Великобританию капитана 2-го ранга Ивана Григоровича, во Францию – лейтенанта Феликса Бэра, в Турцию – лейтенанта Андрея Эбергардта,

потом – капитана 2-го ранга Аллана Шванка, в Германию – князя лейтенанта Александра Долгорукова.

По-прежнему сохранялась добрая традиция военных и военно-морских агентов подбирать тщательно, продуманно, выделяя для этой ответственной работы лучших. Среди них уже не было юных «зеленых» поручиков. Средний возраст агентов 35–40 лет. За плечами как минимум десять – пятнадцать лет службы в войсках и на кораблях.

Вот морской офицер Андрей Эбергардт. До командировки в Турцию служил на Балтике, на корвете «Скобелев», на Дальнем Востоке, в составе Сибирской флотилии, состоял адъютантом управляющего Морским министерством.

После двух лет командировки за рубеж командовал канонерской лодкой «Манчжур», крейсером 1-го ранга «Адмирал Нахимов», эскадренным броненосцем «Император Александр II». В 1908 году назначен на высокий пост начальника Морского Генерального штаба. В 1914 году стал командующим Черноморским флотом. Член Государственного совета, член Адмиралтейств-совета. Адмирал.

Его коллега, военно-морской агент в Великобритании Иван Григорович еще до назначения за рубеж успел окончить морское училище, служил на кораблях Балтийского флота, командовал монитором «Броненосец», минным крейсером «Всадник».

Возвратившись из Лондона, Иван Константинович вновь окунулся во флотскую жизнь – был начальником Порт-Артурского порта, начальником штаба Черноморского флота, морской обороны Балтийского моря, военным губернатором Кронштадта.

В 1911 году адмирал Григорович стал морским министром Российской империи.

Многие военные агенты по возвращении на Родину остались в структурах военной разведки. Степан Воронин, к примеру, вырос до начальника отделения генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба, позже был назначен генерал-квартирмейстером Варшавского военного округа, генерал-лейтенантом. Эммануил Калнин также был произведен в генерал-лейтенанты и занимал пост окружного генерал-квартирмейстера Одесского военного округа.

Михаил Фон-Блом сделал политическую карьеру, заседал в сенате Финляндии, Павел Енгальчев – руководил Императорской Николаевской военной академией, Александр Бутаков командовал дивизией, Владимир Рооп – кавалерийским корпусом, а накануне революции 1917 года возглавлял военную миссию в США.

Вот, собственно, что известно о судьбах наших военных и военно-морских агентов. Да, они безусловно достойные люди, которые внесли серьезный вклад в укрепление обороны Российской империи. Но нас в первую очередь интересует их роль в военной разведке той поры. Что же удалось им сделать за годы, которые провели они за границей, в ведущих странах мира, по добычанию ценной информации, документов.

Надо прямо признать: многое неизвестно, большое количество материалов в революционных бурях, в пламени Гражданской войны утрачены навсегда.

Но кое-что, к счастью, дошло до нас. Например, о том, как работал в Германии военный агент полковник Александр Михайлович Бутаков. Он был весьма эрудированным, высокопрофессиональным офицером. Знал морское дело, поскольку окончил морское училище. Разбирался в тактике общевойскового боя, в оружии, технике, так как командовал ротой, батальоном, служил старшим адъютантом штаба пехотной дивизии.

Александр Михайлович знал стратегию. Николаевскую академию Генштаба он окончил по первому разряду.

В разведке Бутаков тоже был не новичком. Перед назначением военным агентом в Берлин он служил в канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба.

Вот какие документы удалось ему добыть в 1894 году с помощью агентуры. Среди них доклад по оценке укреплений русской армии в Польше, а также оперативное планирование по переброске частей 12-го и 17-го немецких корпусов к границе Российской империи.

Крайне ценной оказалась и докладная записка 2-го обер-квартирмейстера начальнику Генштаба Пруссии. В ней были приведены места дислокации германских войск в Восточной Европе и дана их характеристика.

Военная карьера полковника Владимира Христофоровича Роопа во многом напоминает карьеру его старшего товарища и коллеги Александра Бутакова. Владимир, закончив Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, тоже, кстати, по первому разряду, командовал эскадром, служил старшим адъютантом штаба гвардейской пехотной дивизии, потом был назначен в военно-ученый комитет Главного штаба. Накопив соответствующий опыт в делах разведки, Рооп убыл за рубеж, в Австро-Венгрию. В Вене он проработал пять лет, создал тайную агентурную сеть.

Об одном из его агентов рассказывает австриец Макс Ронге в книге «Разведка и контрразведка». Оказывается, нашему военному агенту удалось завербовать весьма высокопоставленного австрийского чиновника, военного прокурора ландвера Зигмунда Гекайло.

Прокурор поставлял ценные документальные материалы. Однако контрразведке удалось раскрыть шпиона, но тот бежал в Бразилию. Секретная служба потеряла следы Гекайло, но он по неосторожности выдал себя – послал письмо в Австрию. Его арестовали и доставили в Вену.

Судя по всему, агентом Роопа был не один Гекайло. Ибо у австрийского прокурора вряд ли могли быть секретные чертежи полевой гаубицы образца 1899 г. А Владимир Христофорович копии таких чертежей переправил в Россию.

Успешно действовали военные и военно-морские агенты России не только в европейских странах, но и на Дальнем Востоке – в Китае, Корее, Японии. Более того, правительство Российской империи тяжело, медленно, но тем не менее осознавало, что вооруженного столкновения с Японией не избежать. Страна восходящего солнца проводила ярко выраженную милитаристскую политику – она решила увеличить флот втрое, а армию – вдвое. И вся эта набирающая мощь военная машина была направлена против России.

В декабре 1897 года российское правительство наконец признало, что главные военные силы должны быть на основном, на сегодняшний день, ТВД – на Дальнем Востоке. Взоры российской военной разведки также были направлены на Восток.

Для обеспечения большей оперативности в 1903 году военные агенты вошли в подчинение Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке.

В объяснительной записке к «Положению военным агентам на Дальнем Востоке» подчеркивалось: «Условия политической жизни Дальнего Востока вынуждают нас иметь здесь зоркую военную агентуру...»

Каковы же были силы российской военной разведки на Дальнем Востоке?

Надо прямо сказать – они были весьма невелики. Военные агенты в Японии (в Токио), в Китае (Шанхай и Чифу), в Корее (Сеуле). Должность помощников тоже предусмотрели – по одному в Корее и Японии и два в Китае.

Военно-морское министерство имело в Токио всего одного агента.

Кому же из российских офицеров доверили эти весьма ответственные должности? С 1893 года и практически до начала Русско-японской войны в Токио работали полковники Николай Янжул, Глеб Ванновский, Владимир Самойлов. В Корее – полковники Иван Стрельбицкий, фон Раабен, временно исполнял должность военного агента подполковник Николай Потапов. В Китае находились полковники Николай Сумароков, Федор Огородников. Одиннадцать лет длилась командировка полковника, потом генерал-майора Константина Вогака. Он был военным агентом в Китае, в 1893–1896 годах работал одновременно в Китае и в Японии.

Военно-морское ведомство в Японии представляли Аллан Шванк, лейтенанты Иван Будиловский, Иван Чагин, Александр Русин.

Российские агенты традиционно имели серьезную военную подготовку, обучались в лучших военных учебных заведениях Российской империи. Так, Константин Вогак закончил Санкт-Петербургскую военную гимназию, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, Глеб Ванновский – Пажеский Его Величества корпус и академию Генштаба, Александр Русин – морское училище, гидрографический отдел Николаевской морской академии, артиллерийский офицерский класс.

К руководителям разведки в те годы приходило осознание того, что военные агенты должны владеть не только иностранными языками, быть хорошо образованными в военном отношении, иметь за спиной опыт служебной деятельности в войсках и на кораблях, но и постичь премудрости разведывательного ремесла, оперативной работы. Именно поэтому все чаще и чаще на соответствующие должности за границу назначаются офицеры, предварительно прошедшие службу в Военно-ученом комитете Главного штаба.

Примером тому Федор Евлампиевич Огородников. Закончив три учебных заведения – Алексеевский кадетский корпус, инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, он служил командиром роты, старшим адъютантом штаба 1-й гренадерской дивизии, потом был направлен в Главное управление казачьих войск. И только в возрасте 32 лет попал в разведку – в канцелярию Военно-научного комитета.

Четыре года познавал он особенности разведдеятельности. В 1903 году Федор Евлампиевич становится профессором Николаевской академии Генерального штаба. Правда, вскоре его опыт и знания понадобились на ином поприще. Огородников возвращен в разведку и командирован военным агентом в Китай.

Подобную «стажировку» в Военно-научном комитете перед отправкой за рубеж прошли и Глеб Ванновский и Константин Вогак.

Хотя надо признать, что такой вполне профессиональный подход к подготовке офицеров для работы за границей тогда еще не стал системным. Многих посылали без всякой подготовки прямо из войск, полагаясь на ум, сообразительность, сметку будущих военных агентов. Тот же Николай Янжул был назначен в Японию с должности начальника штаба пехотной дивизии, а Владимир Самойлов перед отъездом в Токио исполнял должность начштаба стрелковой бригады. Правда, Самойлов всю предыдущую службу провел в Приморском военном округе: командовал ротой, состоял обер-офицером при командующем войсками Амурской области, штаб-офицером при главном начальнике Квантунской области, и потому знал регион как свои пять пальцев. А вот Янжул до назначения в Японию никогда на Востоке не был, служил на юге, в Керчи, и тем не менее в Японии освоился и, несмотря на все сложности, работал достаточно эффективно.

А работа на Востоке, надо признать, в корне отличалась от работы на Западе. Иной была сама обстановка: традиционная многовековая закрытость и отстраненность Японии, Китая от остального мира наложили отпечаток на деятельность всей государственной машины этих стран.

Печать, как главный источник добывания развединформации в Европе, совершенно выпадала из арсенала военных агентов, работающих на Востоке.

Японская пресса не публиковала никакой информации по военным вопросам. Добиться получения хоть каких-то данных официальным путем также было практически невозможно.

Еще одно немаловажное обстоятельство, которое крайне затрудняло работу военных агентов в Японии, Китае, Корее, – незнание языков. Если овладение европейскими языками – английским, французским, немецким – в ту пору для офицеров не представляло никакого труда, то в совершенстве знающих японский или китайский в России были единицы.

Очень хорошо об этом сказал военный агент в Японии Генерального штаба полковник Николай Янжул в 1898 году. Его слова приводит в своей книге Михаил Алексеев «Военная разведки России» со ссылкой на материалы по работе Военно-исторической комиссии Генштаба 1910 года:

«Положение военного агента может быть поистине трагикомичным. Представьте себе, что вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, и что для вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник (бывший драгоман г-н Буховецкий), знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть загадочное содержание японского манускрипта».

Что ж, все описано достаточно красноречиво и не требует комментариев.

Однако трудности трудностями, но Главному штабу требовалась развединформация. О чем, собственно, и напоминал в 1901 году непосредственный начальник военного агента в Японии Глеба Ванновского – генерал-квартирмейстер Яков Жилинский. «В течение года... от Вашего Высокоблагородия было получено всего четыре донесения, между тем своевременное получение возможно более полных сведений о деятельности в Японии во всех сферах, а особенно в военной и морской, по-прежнему является чрезвычайно важным...»

Примерно такую же оценку своей деятельности из центра получал и военный агент в Корею Иван Стрельбицкий. Их пытались заставить работать, но увы... Наконец терпение руководства лопнуло, и оба военных агента были сняты со своих должностей, отозваны на Родину. Дальнейшая судьба Стрельбицкого неизвестна, а Ванновского отправили в войска, где он сделал неплохую карьеру – стал командиром бригады, потом возглавил Донскую казацкую дивизию и, наконец, был назначен командующим армией. Завершил службу в звании генерал-лейтенанта.

На смену двум отстраненным от должностей агентам приехали Генерального штаба подполковники Владимир Самойлов и фон Раабен. Работа пошла активнее.

Раабену удалось в короткий срок завербовать несколько информаторов как из числа корейцев, так и из граждан России, командированных в Сеул. Однако по-настоящему развернуть деятельность агентурной сети не удалось, помешало досадное обстоятельство – дуэль между Раабеном и чрезвычайным посланником России в Корею Павловым. Об этом стало известно военному министру, и Раабен был отстранен от должности. В ноябре 1903 года ему на замену прибыл подполковник Николай Потапов.

Военный агент в Японии Владимир Самойлов был не столь энергичен в оперативных вопросах и достойную агентурную сеть создать не сумел. Однако он завел хорошие связи с иностранными военными агентами. С некоторыми из них установил дружеские отношения. Много знакомых было у него и среди японцев. Владимир Константинович много общался, читал, наблюдал. Сведения, полученные таким доверительным путем, ложились в основу его донесений в Санкт-Петербург. Точность в анализе обстановки поражает и до сих пор.

Самойлов был первым, кто почувствовал опасность недооценки противника и пытался эту мысль довести до сведения командования в столице.

Но, пожалуй, ближе всех к истине оказался военно-морской агент в Токио капитан 2-го ранга Александр Русин.

К чему стремилась Япония? Нарастивая свои силы, она прекрасно знала о наличии далеко не мощной группировки русских войск на Дальнем Востоке. Исходя из преимуществ флота, японцы планировали либо уничтожение нашей Тихоокеанской эскадры, либо изоляцию ее в Порт-Артурской гавани. Далее, создав господство на море, обеспечить успех действиям сухопутных войск, захватить Корею и разгромить русскую армию в Маньчжурии.

Обо всем этом в марте 1903 года предупреждал военный агент Александр Русин. Вот лишь некоторые выдержки из его донесения, опубликованные в журнале «Морской сборник» в 1995 году: Япония желает «не дать России окончательно утвердиться в Маньчжурии; занять Корею; попытаться сделать демонстративную высадку близ Приамурской области; такую же высадку осуществить на Квантуне; при удаче этих двух операций попытаться овладеть вышеуказанными областями».

Кроме того, Русин назвал наиболее точную цифру мобилизационных возможностей Японии. Он считал, что армия Страны восходящего солнца будет насчитывать более 630 тысяч человек.

Внес свой вклад в раскрытие агрессивных замыслов Японии и временно исполняющий должность военного агента подполковник Николай Потапов. Через своих информаторов, которые находились при дворе императора Кореи, ему удалось ознакомиться с планом Русско-японской войны и даже выкупить часть плана. Этот документ, несомненно большой ценности, был переправлен в штаб наместника Дальнего Востока с просьбой оценить его и выделить деньги на приобретение всего плана. Однако, как стало известно позже, в штабе посчитали, что документ является фальшивкой и подсунут японской контрразведкой. И только в ходе войны стало ясно, что план был подлинным, ибо японцы следовали ему в точности.

Этот пример свидетельствует о том, что руководство армии и флота не относилось с должным вниманием к добытым разведсведениям. Хотя, откровенно говоря, и сведений было явно недостаточно. И как результат – силы и средства японской армии и флота, их вооружение, группировки оказались во многом не вскрытыми.

...27 января 1904 года японские военные корабли атаковали русскую эскадру на рейде Порт-Артура. У порта Чемульпо были потоплены крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

18 апреля в бой вступили японские сухопутные части. Началась Русско-японская война.

Горький опыт поражений

Последующие исторические события – Первая мировая война, Гражданская, Великая Отечественная – заслонили от современников те трагические для России события. А жаль. Опыт жестоких поражений забывать нельзя. Однако надо отдать должное нашим предшественникам, тем, кто воевал в русско-японскую и кто внимательнейшим образом анализировал горький опыт наших поражений «на сопках Маньчжурии». Они ничего не забыли, не упустили, не растеряли зерна ценных знаний, добытых кровью на полях сражений.

Уже в 1908 году, всего через три года после окончания Русско-японской войны, начальник германского генерального штаба фон Мольтке даст такую оценку состоянию нашей разведки: «Механизм русской военной разведки представляет собой хорошо управляемую, широко разветвленную систему, обладающую значительными финансовыми ресурсами». Эти слова германского военачальника приводит в своей работе «Военная разведка в борьбе с Японией (1904–1905 гг.)» Е. Сергеев.

А с чего же мы начинали? Вот два весьма авторитетных мнения. Одно принадлежит главнокомандующему Маньчжурской армии генералу от инфантерии Алексею Куропаткину, другое – опытнейшему военному разведчику, генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба Павлу Рябикову.

К. Звонарев в своей книге «Агентурная разведка» приводит слова Куропаткина из его отчета за 1904 год: «Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника и предстоящих театров войны. Дело это носит у нас чисто случайный характер и правильной организации не имеет».

Рябиков же в своей известной работе «Разведывательная служба в мирное и военное время» пишет: «Невозможность получить весьма жизненные и важные сведения о японской армии секретными путями привели к колоссальнейшей ошибке в подсчете всех сил, кои могла выставить Япония, и к совершенному игнорированию резервных войск, неожиданно появившихся на театре войны».

Стало быть, уроки тяжелейшей Русско-японской войны не прошли даром, боевые действия на Дальнем Востоке явились своего рода «шоковой терапией» и в корне изменили взгляды военных руководителей разведки в военно-стратегическом процессе.

Однако все это придет потом: и осознание роли, и тщательный анализ, и коренные преобразования вооруженных сил России, а пока...

Пока за три дня до начала боевых действий командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин с тревогой сообщает военному министру в Петербург о том, что находится «все еще в неизвестности, где 2-я японская армия». И пытается угадать, возможно, часть этой армии высадилась в Корее.

18 апреля части японской армии наносят первый удар по войскам Маньчжурской группировки на реке Ялу. Русские терпят поражение. 22 апреля японцы высаживают свою 2-ю армию севернее Порт-Артура. И новое поражение наших войск.

Японцы захватывают стратегическую инициативу.

Для успешного ведения боевых действий русским войскам требуется свежая, непрерывно добываемая развединформация. Необходимость в ней ощущается постоянно. Штабы не могут работать, не зная, где находится противник, как он вооружен, каковы его замыслы и планы. Поэтому в отличие от мирного времени разведка осуществляется по трем направлениям – дальняя, ближняя и разведка флангов.

Дальней занимались военные агенты в Китае и в Корее, а также штабы Главнокомандующего, трех Маньчжурских армий, Приамурского военного округа, ближней – штабы Заамурского округа, тыла Маньчжурских армий, корпусов и отдельных частей. Войсковые разведки

захватывали пленных, засылали в тыл лазутчиков, отслеживали публикации в иностранной прессе.

С началом войны особое значение придавалось правому Монгольскому флангу. Штаб считал, что китайские войска могут ударить во фланг или, хуже того, в тыл нашей армии. Хотя об истинных намерениях китайцев не было ничего известно.

Вот тогда и получила дальнейшее свое развитие так называемая «крышевая» разведка. Весной 1904 года в район расположения частей китайских генералов Юаньшикая и Ма под видом «датского корреспондента» командировали штабс-капитана Россова, через месяц еще одного разведчика – есаула Уральского казачьего войска Ливкина. Его снабдили документами Мукденского Цзяньцзиня, в которых он значился как русский купец.

Кстати говоря, Давид Иванович Ливкин был выдающимся российским разведчиком, доселе не признанным и забытым.

Он окончил военное училище, трехгодичные курсы для офицеров при азиатском департаменте Министерства иностранных дел России, владел турецким, арабским, персидским, татарским, киргизским, английским и французским языками. За годы службы в восточных районах страны хорошо изучил обычаи и нравы, религии восточных народов.

В 1898 году есаул Давид Ливкин совершил поездку в Индию. По приказу принца А. Ольденбургского, который являлся председателем специальной комиссии, в ходе этого весьма опасного путешествия предстояло побывать в районах, охваченных чумой. Следовало выяснить степень эпидемиологической опасности. Российское правительство было обеспокоено тем, что эпидемия чумы из Индии через Афганистан могла распространиться по территории России.

На обустройство карантинных отрядов вдоль границы с Афганистаном требовались большие суммы денег. Вот Ливкину и следовало оценить степень угрозы.

Есаул Ливкин оказался талантливым разведчиком-импровизатором. Он преодолел Европу, потом Египет, там приобрел персидский паспорт и под видом местного купца (благо он был похож на мусульманина и знал язык) продолжил путь сначала в Цейлон, потом в Индию. Побывав в разных районах, он выяснил, что опасности проникновения чумы в Россию нет. Благополучно возвратившись в Петербург, доложил комиссии свои выводы. На основании доклада есаула Ливкина формирование карантинных отрядов было приостановлено.

С началом Русско-японской войны Давид Иванович Ливкин добровольно попросился на фронт и был направлен в Маньчжурию. Его назначили командиром разведдивизиона при Главнокомандующем русскими войсками.

И вот теперь ему предстояло совершить новое путешествие и выяснить истинные намерения генералов Ма и Юаньшикая.

В сопровождении бойцов разведдивизиона, которые действовали под видом караванщиков, Ливкин, выдавая себя за русского чаоторговца Попова, появился в ставке командующего китайской армии. Нельзя сказать, что его приняли с распростертыми объятиями, но подарки, обаяние Давида Ивановича Ливкина сделали свое дело.

Есаул пробыл в ставке несколько дней и выяснил: китайцы не собираются нападать на Россию, они сами обеспокоены воинственными действиями японцев. Об этом и было доложено Главнокомандующему по возвращении. Думается, вряд ли стоит говорить о том, какое важное значение имели эти разведданные при планировании дальнейших боевых операций.

Что же касается Ливкина, то следует сказать, что война прошла по его судьбе страшным, огненным колесом – в бою он получил тяжелую контузию, лишился дара речи, долгое время не мог самостоятельно передвигаться. Был уволен в отставку в звании полковника.

Так что в выполнении разведзадач во время войны участвовали различные бойцы и офицеры русской армии. И не только армии, но и просто патриоты России. Среди них переводчик монгольского языка при штабе Главнокомандующего студент Санкт-Петербургского универ-

ситета Владимир Шангин, чиновник особых поручений, владеющий китайским языком, Дмитрий Янчевецкий, служащий российско-китайского банка Москвитин. Все они, оставив свои мирные профессии, здесь, на Востоке, защищали Россию, воевали с врагами своего Отечества.

Однако нас в большей степени интересует участие в разведработе в ходе Русско-японской компании 1904–1905 годов военных агентов. Напомним еще раз, именно они вели дальнюю, выражаясь современным языком, стратегическую разведку. Разумеется, с началом войны гласные агенты не могли работать на территории противника. Действовать приходилось из соседних с Японией стран – из Китая, Кореи. Большую помощь в этой работе оказывали военные агенты в Европе. Они информировали руководство о японских заказах на вооружение и боевую технику, которые были размещены на западноевропейских предприятиях.

Кто же эти офицеры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть дальней разведки в годы Русско-японской войны?

Некоторые из них нам уже знакомы, они работали на Востоке до войны. Это полковник Федор Огородников. С 1903 по 1907 год он первый военный агент в Китае.

Его помощником был полковник, потом генерал-майор Константин Десино. После трех лет не совсем удачной работы под прикрытием в должности секретаря консульства в Чифу Константин Николаевич назначается гласным помощником военного агента сначала к полковнику Константину Вогаку, а с 1903 года к полковнику Федору Огородникову.

В начале 1905 года в Китай прибывает еще один помощник военного агента – капитан С. Афанасьев.

В Корею с 1899 года работает полковник фон Раабен. Полковник Александр Нечволодов должен был его сменить на должности военного атташе, но не успел. Началась Русско-японская война, и Александр Дмитриевич, находившийся в этот момент в Порт-Артуре, получает назначение в распоряжение наместника на Дальнем Востоке.

В Германии в период войны активно действует военный агент полковник Вадим Шебеко. Во Франции, в Париже Российскую империю представляет полковник Владимир Лазарев, в Швеции, в Стокгольме – полковник Александр Алексеев.

В Австро-Венгрии должность военного агента исполняет, упоминаемый нами прежде полковник Владимир Рооп.

Итак, пожалуй, начнем с тех военных агентов, кто работал ближе к театру боевых действий.

Полковник Александр Нечволодов с помощью нашего генконсула А. Павлова завербовал и отправил в Японию и Корею трех агентов-иностранцев – швейцарца Барбье, немца Мейера и француза Шаффанжона. Работали они под видом торговых людей. Задание у них было весьма ответственное – разведать численность, состав, вооружение японской группировки, которая высадилась вблизи Порт-Артура, а также вскрыть состав воинских частей, которые двигаются из Кореи.

Передавать добытые сведения они должны были сначала в Европу, оттуда их переправляли телеграфом в Петербург, а из столицы Российской империи – в штаб Маньчжурской армии. Что и говорить, путь не ближний, но иной возможности тогда не существовало.

Нельзя сказать, что снаряженные тайные агенты не работали вовсе, но сведения, которые они передавали, приходили в штаб армии на Дальнем Востоке нерегулярно и за время дороги попросту устаревали, теряя свою актуальность. А деньги агентам, откровенно говоря, платили немалые. Пришлось летом 1905 года агентов поблагодарить и рассчитать.

Пожалуй, наибольшую пользу в разведывательном плане в период боевых действий приносил военный агент в Корею полковник Федор Огородников и его помощник генерал-майор Константин Десино.

Огородникову удалось привлечь на свою сторону тайного агента, который находился в Японии и передавал ценную информацию о японской армии и флоте. Также ему на связь был

передан и еще один японский агент, некто Гидис, работавший в тылу наших войск под видом корреспондента английской газеты. Перевербовал его капитан Генерального штаба Алексей Игнатьев, служивший в это время помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии.

Гидис поставлял своему резиденту весьма важную информацию, за что, собственно, и был казнен японцами после провала и ареста.

Федору Огородникову приходилось заниматься и вовсе не привычным для себя делом – курировать выпуск газеты.

Японцы перед войной и в период боев уделяли большое внимание работе с иностранными журналистами, привлечению их на свою сторону, одним словом, вели целенаправленную пропагандистскую работу. Этому следовало противостоять. Именно поэтому генерал-квартирмейстерская служба и стала инициатором выпуска газеты «China Review». Выпуск газеты обошелся недешево, но цель оправдывала затраченные средства.

Следует добавить, что в городе Мукден выпускалось еще одно издание – газета «Шенцзинбао» на китайском языке. Ее выпуском руководили военные комиссары Мукденской и Гиринской провинций.

После Мукденского поражения русской армии и снятия с должности Куропаткина, новый главнокомандующий генерал Линевиц принял решение укрепить дальнюю разведку. Для этой цели он разделил театр военных действий на три направления: Японию и Корею; Маньчжурию к западу от меридиана Фынхуанчень; Маньчжурию к востоку от этого меридиана с портами Инкоу, Дальний, Талиеван, Дагушань, Шахэцзы и другие, а также Ляодунский полуостров.

Военному агенту полковнику Федору Огородникову было приказано руководить организацией разведки в полосе первого направления, его помощнику, капитану Афанасьеву – второго, третье закреплялось за штабс-капитаном Россовым. Такое разделение ТВД и попытка укрепить разведку было связано с тем, что тяжелое поражение русских войск под Мукденом нанесло удар по тайным разведсилам. Многие агенты-китайцы разбежались, иных пришлось отозвать, поскольку в ходе боев японцами был захвачен обоз квартирмейстерской службы, в котором хранилась секретная документация с именами информаторов. Всю работу по воссозданию агентурной сети по сути пришлось начинать заново.

Вторым важнейшим каналом получения стратегической разведывательной информации во время Русско-японской войны были агенты, работающие в Европе. Их интересовали военные заказы Японии на европейских фирмах, а также отгрузка готовой продукции.

Военный агент полковник Вадим Шебеко, кстати говоря, очень опытный военный разведчик, до прибытия в Берлин работавший в Константинополе, потом в Вашингтоне, взял под контроль крупновские фирмы в Германии. По его расчетам, японцы пренебреженно должны были обратиться к немцам. Ну а те уж, знамо дело, не откажут посланцам из Страны восходящего солнца.

Так и случилось, как просчитал Вадим Николаевич. Крупный артиллерийский заказ японского правительства был размещен на крупновском заводе в Эссене. Правда, информатор Шебеко попросил за свои сведения кругленькую сумму в несколько тысяч марок. Однако обещал докладывать не только о ходе выполнения заказа, сроках его отгрузки, но и сообщить название парохода, на котором повезут произведенную продукцию, и время отхода судна.

Руководство согласилось с суммой выплаты вознаграждения агенту, и эта история имела свое продолжение. Информатор сработал четко, передал резиденту сообщение: «25 ноября 1904 года. Пароход “Самбия”. Гамбург».

Транспорт был загружен, что называется, под завязку. В своих трюмах он вез 326 полевых и 93 горных орудий. Ох, как велико было желание пустить этот «плавающий» оружейный склад на дно. Информацию срочно передали в Главный морской штаб.

У моряков желание перехватить «Самбию», судя по всему, тоже было немалое, да вот сил не хватило. Одному из крейсеров дали команду перехватить «Самбию», которая, предполагалось, пойдет через Магелланов пролив. Но не судьба, «Самбия» прошла другим путем, благополучно доставив в Японию более 400 орудий.

Полковник Алексей Алексеев, военный агент Российской империи в Копенгагене и Стокгольме, в 1905 году также сообщал в Петербург о закупках Японией оружия в Швеции.

Бофорский военный завод в срочном порядке производил артиллерийские гильзы. Алексеев также указал порт отгрузки и отправки транспорта, но его уже не пытались перехватить.

О закупках Японией лошадей в Австралии для военных целей докладывал и военный агент в Вене полковник Владимир Рооп.

Военно-морской флот в силу своих возможностей тоже проводил разведку в период боевых действий. Поскольку морских агентов в эти годы не было, разведка осуществлялась кораблями-крейсерами, миноносцами. На флоте впервые в истории появился новый вид разведки – радиоразведка. 7 марта 1904 года вице-адмирал О. Макаров приказал кораблям Тихоокеанского флота вести радиоперехват и пеленгование вражеских радиостанций.

...23 августа (5 сентября) 1905 года Россия и Япония подписали Портсмутский мирный договор. По нему Японии отходили южная часть Сахалина, Порт-Артур и южная ветка Китайско-Восточной железной дороги.

Началась другая эпоха – послевоенная. Россия потерпела тяжелое военное и политическое поражение. Ее международные позиции в мире были ослаблены. Предстояло осмыслить итоги Русско-японской войны. Провести коренные преобразования в различных сферах жизни, и в первую очередь в военной области. Восстановить утраченный престиж Российской империи.

«нужно прислушиваться... к биению жизни»

Однако для того чтобы осуществить такие масштабные послевоенные преобразования, восстановить армию и флот, нужен был мир. Премьер-министр С. Витте считал, что для этого России понадобится покой как минимум на 20–25 лет. Увы, граф замахнулся на слишком большой срок. История отвела нам только девять лет.

Что же было сделано за эти годы? Начать, пожалуй, надо с создания Совета Государственной обороны, который как раз и отвечал за военную политику государства.

9 июня 1905 года Председателем Совета назначается великий князь Николай Николаевич, а также утверждается положение о Совете Государственной обороны. В дальнейшем Совету пришлось рассмотреть несколько важных документов – «Проект организации русской армии», составленный генералом Газенкампом и его коллегами по специально созданной комиссии (октябрь 1907 года), «Программу развития реформ сухопутных вооруженных сил России», предложенную Главным управлением Генерального штаба во главе с генералом Ф. Палицыным (декабрь 1907 года), доклад Главного штаба «О преобразовании нашей армии» (февраль 1908 года) и, наконец, доклад начальника Генштаба и генерал-квартирмейстера ГУГШ «О мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие» (август 1908 года).

Однако мне хотелось бы подробнее остановиться на двух более ранних документах, представленных государю еще осенью 1904 года, и прежде всего потому, что один из них подготовил талантливый российский разведчик, который несколько лет был военным агентом в Германии. Речь идет о полковнике Павле Енгальчеве. Когда Павел Николаевич писал докладную записку царю, он уже командовал лейб-гвардии Гусарским полком. До этого руководил эскадром, служил в штабе пехотной дивизии, а потом, будучи в Берлине, хорошо изучил германскую и другие армии европейских государств. Так что Енгальчев знал, о чем писал.

Вторая записка принадлежала перу генерал-лейтенанта Федора Палицына, начальника Генерального штаба. Так вот Федор Федорович предлагал органы управления вооруженными силами построить по германскому принципу, где начальник Генштаба не подчинялся военному министру, а замыкался напрямую на кайзера. У нас, стало быть, – на царя.

Полковник Енгальчев предлагал выделить Генштаб в отдельный орган, но в составе Военного министерства. Павел Павлович считал, что в армии должно быть единое командование.

К сожалению, победил проект Палицына, и в июне 1905 года в России появилась должность начальника Генштаба, который не подчинялся военному министру. Единственным руководителем для него был государь.

Прошло три года, прежде чем стало ясно: проект генерала Федора Палицына не жизнеспособен. В сущности, в армии установилось двоевластие. В ноябре 1906 года Главное управление Генштаба вернули в состав военного ведомства, а начальник Генерального штаба вошел в подчинение к министру.

Однако не бывает худа без добра, новый штат Главного управления Генштаба, утвержденный по проекту Палицына, отныне закрепил два подразделения разведки – добывающее и анализирующее. Пройдут годы, прежде чем они станут единым организмом, но направление движения уже тогда, в 1906 году, было сделано верное.

Основной добывающей силой в период с 1905 года и до начала Первой мировой войны по-прежнему останутся военные агенты Российской империи за рубежом. Как и всегда, штат их будет невелик – всего полтора десятка агентов в ведущих странах мира – в Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Греции, Болгарии, Черногории, Сербии, один в Дании, Норвегии и Швеции, а также в Румынии, Швейцарии, Италии, Японии, Китае и США.

Отбор кандидатов на должности военных агентов в эти годы проходил следующим образом. В Главном управлении Генштаба был список офицеров, которые в большей степени подходили на замещение должностей. Формировался список кандидатами из военных округов. Однако пополнялся он, как правило, фамилиями офицеров из войск гвардии Петербургского военного округа. Почему?

На этот вопрос хорошо ответил историк спецслужб Михаил Алексеев в своей книге «Военная разведка России от Рюрика до Николая II».

«Кандидаты должны были быть, – пишет М. Алексеев, – не старше двух лет в чине подполковника и не моложе трех лет в чине капитана».

В подробной аттестации на кандидата «особенное внимание должно быть обращено на свойства характера, степень знания иностранных языков, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, также на внешнюю представительность».

Невзирая на достаточное количество офицеров Генерального штаба, имеющих требуемую выслугу в чине, кандидатов на занятие вышеперечисленных должностей было немного. Так, в ноябре 1910 года начальник штаба Иркутского военного округа докладывал в Главное управление Генштаба, что среди офицеров Генштаба, состоящих в округе, «не имеется таких, которые отвечали бы в полной мере всем условиям... что главным образом относится к соответствующему знанию языков и особенно неимению собственных средств, расход которых был неизбежен при занятии должности военного агента. Отсутствие кандидатов констатировалось и по Казанскому, Одесскому, Кавказскому, Приамурскому и другим округам».

Отсюда и кандидаты в основном из столичного округа. В гвардии служили представители богатейших слоев общества, аристократии. Они как раз и имели те самые материальные средства и знали иностранные языки.

После отбора кандидата Генштаб обязательно запрашивал его согласие на назначение и предупреждал офицера, что служба военного агента требует немалых личных финансовых расходов. И если офицер давал добро на назначение, представление уходило в Министерство иностранных дел. Разумеется, кандидатуру будущего военного агента рассматривали послы в соответствующих странах. Однако послы не всегда соглашались с мнением военных. Так, после смерти военного агента в Италии полковника Фаддея Булгарина на его должность была предложена кандидатура полковника Дмитрия Ромейко-Гурко, который в это время проходил службу в Швейцарии.

Посол России в Риме доложил в МИД России, что хотя правительство Италии не отказывается его принять, но относится к кандидатуре Ромейко-Гурко в недоверие. Ведь полковник оказался замешанным в скандале с тайным агентом, который был раскрыт и выслан из Швейцарии. Дмитрий Ромейко-Гурко в Рим не поехал, вместо него назначили другого офицера.

В том же случае, если посол, МИД не возражал как в приведенном выше случае, военный агент получал назначение.

Кто же в этот сложный для нашего Отечества период представлял Россию за рубежом?

Это были весьма интересные личности. Опытные, боевые офицеры, фронтовики, участники Русско-японской войны. Но какими они были разведчиками? Этот вопрос крайне важен для нашего исследования.

После Русско-японской войны государь, правительство, руководство вооруженных сил рассматривало нашими вероятными противниками Германию, Австро-Венгрию и, конечно же, Японию. Естественно, в эти страны старались в качестве военных агентов направлять наиболее способных, знающих разведчиков.

Таковыми с полным основанием можно считать всех троих офицеров – полковников Вадима Шебеко, Александра Михельсона и Павла Базарова, работавших в Германии в период с 1905 и по 1914 год.

Вадим Николаевич Шебеко закончил самые привилегированные учебные заведения России – Пажеский Его Императорского Величества корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в кавалерии. С 1896 года состоял в распоряжении военного агента в Константинополе. Накопив опыт разведывательной работы, Шебеко занял пост военного агента в Вашингтоне. Но лучший и самый продуктивный период его деятельности как военного разведчика пришелся на 1901–1905 годы, когда он служил военным агентом в Берлине, а потом состоял при особе Его Императорского Величества Вильгельма II.

Кстати говоря, по возвращении из Берлина Вадим Шебеко сделал блестящую карьеру, правда, уже на сугубо штатском поприще. Он был вице-губернатором Саратова, губернатором города Гродно, а в 1916–1917 годах – московским градоначальником.

Судя по его донесениям, переписке с руководством военно-статистического отделения Главного штаба, подполковник, а потом и полковник Шебеко был одним из трезвых, реально мыслящих аналитиков-дипломатов в стране пребывания. Еще в 1902 году в донесении к генералу Целебровскому, соглашаясь с общим мнением, что «в желании (Германии. – *Авт.*) сохранить дружественные с Россией отношения сомнений нет», подчеркивает: «Но сердечных отношений в Берлине искать не следует: весьма мало вероятно, чтобы когда-либо в этой дружбе был принесен в жертву хоть один коммерческий или политический вопрос...»

Напомним, эти строки Шебеко писал в 1902 году.

Весной 1903 года у Вадима Николаевича состоялась беседа с Вильгельмом II, о чем он тут же сообщает руководству в Петербург. Интересно, что военный агент не только приводит слова кайзера Германии, но и описывает жесты, выражение лица, глаз Вильгельма II. «Подвижное лицо императора приняло суровое до жестокости выражение, глаза блестели недобрым огнем, и была очевидна решимость эти чувства привести в действительное исполнение».

Думаю, не стоит никого убеждать, что важность в подобной информации в те годы для нашего руководства была крайне велика. «Польский вопрос» для Российской империи оставался весьма болезненным, и отношение кайзера Германии к полякам служило своего рода барометром политического климата в Европе.

Полковник Шебеко внимательно следил за состоянием этого климата. И чем больше Германия старалась убедить Россию в своей лояльности и поддержке политики Николая II, тем меньше верил словам немцев военный агент. Эту свою озабоченность ухудшением отношений между государствами он старался донести до ушей руководства.

После принятия германским парламентом нового военного закона на 1905–1910 годы Шебеко доносил в Главный штаб, что рейхстаг решил отложить на год увеличение численности армии. На первый взгляд факт для России отрадный. Однако только на первый взгляд. Депутаты рейхстага проголосовали за подобное решение именно потому, что могущество России после проигранной русско-польской войны значительно ослабло. Правда, Союзный Совет империи не согласился с этим тезисом и ввел закон в действие. Вот так темпы наращивания вооруженных сил Германии накрепко увязывались с экономическим и военным положением России. Отчего бы это так, если Германия наш друг?

Ухудшение российско-германских отношений отметил и заменивший Вадима Шебеко на посту военного агента полковник Александр Михельсон. Прибыл он в Берлин зимой 1906 года, а уже весной сообщал в Петербург министру Палицыну, что главную причину таких перемен он видит в позиции, занятой Россией по марокканскому вопросу.

Вообще Александр Александрович Михельсон – фигура весьма примечательная. Один из самых результативных наших военных агентов той поры. Граф, генерал Алексей Игнатьев, знавший толк в разведработе, назвал Михельсона «выдающимся русским военным агентом». И он таковым был в действительности.

До того как прийти младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, Александр Михельсон долго служил в войсках – командовал ротой, потом

батальоном, был старшим адъютантом штаба дивизии. Получив повышение, проходил службу в штабе корпуса, потом штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа.

В 37 лет он стал младшим делопроизводителем. Однако уже через два года выдвинулся в столоначальники, а вскоре был назначен помощником начальника отделения Главного управления Генерального штаба.

С таким солидным жизненным и профессиональным багажом он и прибыл в Берлин.

Михельсон не только активно занимался сбором так называемой политической, экономической, военной информации путем добывания документальных материалов, грамотно и глубоко их анализировал, но и умело разворачивал агентурную работу, налаживал сеть тайных агентов. Тот же граф Алексей Игнатьев в своем труде «Обзор работы русского военного агента в Скандинавии и Франции» рассказывает об интересной агентурной операции, которую разработал и провел Александр Михельсон.

В предвидении войны полковник понимал, что Россия и Франция встанут по одну сторону фронта, а Германия и ее союзники – по другую. Значит, германские вооруженные силы будут вынуждены действовать на двух фронтах, образно выражаясь, на французском и русском. Стало быть, крайне важно установить, сколько сил бросят немцы против обоих противников и как эти силы распределятся. Однако легко сказать, да трудно сделать. Михельсон тем не менее придумал, как сделать. Ход был поистине простой и гениальный. Подробно и скрупулезно изучив германские железные дороги, Александр Александрович остановил свое внимание на нескольких железнодорожных мостах через главные водные магистрали Германии – Вислу и Эльбу.

За скромную плату он завербовал сторожей, охраняющих эти мосты. Те сообщали о количестве поездов, которые проходили за сутки на Запад и на Восток. Дабы не было подозрений, Михельсон объяснил, что строительная компания, которая проводит испытания мостов на прочность, желает получить эти вполне обычные статистические данные.

«Михельсон натренировал их (сторожей. – *Авт.*) в работе, – пишет граф Игнатьев, – с тем, чтобы предмобилизационный период не нарушал заведенного автоматизма...»

В начале 1909 года военный агент Александр Михельсон пишет докладную записку российскому послу в Берлине. Вывод этого документа однозначен: Германия готова к войне. И война эта возможна уже нынешней весной.

Если же этого не случится, то Россия со временем окрепнет, наберет мощь, и дальше Михельсон делает заключение: «Такой перспективы немцам ждать, сложа руки, не выгодно. Немцы хорошо понимают, что на континенте время против них, время – союзник России и славянства...»

Как видно из документов, полковник Михельсон преуспел как в аналитической работе, так и в оперативной деятельности. Это не могло ускользнуть от внимания немецкой контрразведки. Такого опытного, профессионального разведчика в стране, которая по сути готовилась к войне с Россией, держать было не с руки. И потому делается все возможное, чтобы выследить и арестовать одного из агентов Михельсона. В свою очередь, военному агенту предложено покинуть Германию.

Михельсон возвращается в Россию. Его назначают командиром бригады, потом Александр Александрович возглавляет лейб-гвардии Московский полк. Во время Первой мировой войны он – генерал для поручений при начальнике Генерального штаба.

На смену Михельсону в начале 1911 года в Берлин приезжает полковник Павел Базаров. Ему уже 40 лет. Почти всю службу провел в разведке. После окончания Михайловского артиллерийского училища командовал ротой, служил помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа. Потом судьба распорядилась так, что Павел Александрович ока-

зался в разведке – сначала младшим делопроизводителем Военно-ученого комитета, далее – помощником столоначальника Главного штаба.

Следующий этап в служебной карьере – Русско-японская война. Базаров – в Маньчжурской армии, в управлении генерал-квартирмейстера, занимается тем делом, которое он знает и любит – разведкой. Работает умело и вполне успешно, а потому получает повышение по службе. Павел Александрович – штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке, а после окончания войны – в Главном управлении Генштаба.

Германия для него страна уже знакомая. За эти годы он успел побывать в командировке в германском городке Касселе, якобы для совершенствования знаний по немецкому языку. И вот теперь он военный агент Российской империи в Берлине.

Откровенно говоря, зря надеялась немецкая контрразведка вместо неумного Михельсона получить тихого паркетного дипломата. Базаров был разведчиком до мозга костей.

В начале 1912 года он докладывает в Главное управление Генерального штаба: «Создавшаяся в Европе политическая группировка держав, желание закончить организацию своих сухопутных вооруженных сил и достичь наиболее выгодного соотношения морских сил заставили Германию пойти почти до предела возможных уступок. Между тем политическая обстановка... пока мало изменилась.

...Что касается вопроса о выгодности для Германии начать войну до зимы или во время военной и приграничных областей России (тревоги), то она заслуживает несомненный интерес. Ввиду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами, и наоборот, большей выносливости французов по отношению к жаре, немцам выгоднее начать кампанию в зимнее время года...

В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем.

...Более, чем вероятно, что начало военных действий последует именно со стороны Германии».

В конце того же 1912 года полковник Павел Базаров даже называет сроки будущей войны. «Весьма возможно, что к концу будущего 1913 года или к началу 1914 года, – пишет он в Петербург, в Главное управление Генерального штаба, – когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена... настанет критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны».

Что ж, тут, как говорится, ни убавить ни прибавить, полковник Базаров не ошибся, он попал в точку.

Однако и его дни пребывания в Германии были сочтены. Обстановка характеризовалась редким нарастанием военной угрозы. Военные агенты подвергались самому жесткому давлению со стороны спецслужб Германии.

Чертежник из главного инженерного управления, который продал Базарову план крепостей Пихлау и Летцен, был провален. После ареста он сознался, что работал на российского военного агента.

Полковник Павел Базаров немедленно убыл в отпуск, после которого получил новое назначение – он утвержден штаб-офицером для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

Свою лепту в дело разведки вероятного противника вносили и морские агенты Российской империи в Германии – капитан 2-го ранга князь Александр Долгоруков, лейтенант Борис Бок, капитан 2-го ранга Евгений Беренс. Летом 1914 года морской агент в Нидерландах капи-

тан 1-го ранга Михаил Римский-Корсаков был одновременно назначен на ту же должность и в Германии. Но, увы, началась Первая мировая война, и вступить в свои обязанности он не успел.

Морские агенты имели соответствующее образование – Долгоруков закончил морское училище. Римский-Корсаков – морское училище, артиллерийский офицерский класс, а также гидрографический отдел Николаевской морской академии, Бок – морской кадетский корпус, Беренс также морской кадетский корпус и штурманский офицерский класс.

Все служили во флоте. Долгоруков на фрегате «Дмитрий Донской», на крейсере «Память Азова», Римский-Корсаков на канонерской лодке «Бобр», на эскадренном броненосце «Пересвет», командовал учебным судном «Верный» и эсминцем «Лейтенант Зацаренный», Бок – был участником известного заграничного плавания на крейсере «Паллада».

Главная их задача – сбор сведений военно-морского характера, в частности, наблюдение за составом боевого и строящегося флота противника, а также военно-морских баз и верфей.

В июле 1913 года поверенный в делах в Берлине Броневский сообщит в письме министру иностранных дел России Сазонову: «Недели две тому назад морской агент при императорском посольстве предпринял небольшое путешествие по германским островам Северного моря. Так как там теперь купальный сезон в полном разгаре... то путешествие имело целью, не возбуждая ничьих подозрений, дать возможность беспрепятственно собрать ряд интересных сведений относительно обороны этой части германского побережья».

Совершил это весьма полезное «купальное путешествие» военный агент Евгений Беренс.

Однако, как писал в журнале «Русский инвалид» в 1908 году известный военный теоретик, офицер Главного управления Генерального штаба Александр Свечин: «В процессе изучения мирной и вооруженной борьбы с соседом тайная разведка составляет только небольшую часть работы. Агентурные данные об армии, технике и крепостях соседа недостаточны для уверенной работы в мирное и военное время. Нужно прислушиваться к биению государственной и общественной жизни...»

И морские агенты прислушивались. Надо отдать должное – делали это весьма профессионально. Вот пример. В январе 1912 года морской агент капитан 2-го ранга Евгений Беренс отправил начальнику Морского Генерального штаба князю Ливену интересное донесение. Написать его мог только хороший аналитик, глубоко изучивший политику европейских стран, в частности, Британии и Германии, и учитывающий все самые сложные нюансы этой политики.

О чем, собственно, шла речь в донесении? Да о том, что правительство Великобритании стремится поддерживать свое превосходство над Германией по боевым кораблям в пропорции 2: 1. Казалось бы, какие далеко идущие выводы из этого можно сделать – Британия всегда заботилась о превосходстве своего флота над другими, неспроста она получила звание «ладычицы морей».

Однако морской агент за этими цифрами увидел нечто большее, чем простое желание превосходства. «...Англия надеется, – сообщал он, – что вызываемые этим путем расходы на вооружение окончательно возмутят и без того обременят налогами население Германии». Далее он говорит о «здешних социалистах, настроенных пока националистически». Но они переменяют окраску и при поддержке недовольных групп населения откажутся от дальнейшего соревнования с Англией. «Ввиду этого англичанам важно, – считает Беренс, – чтобы их усиление было лишь ответом на германское, ибо тогда у германского правительства отпадет самый важный аргумент оправданий расходов... Такая перспектива дает Англии надежду, что при дальнейших попытках Германии тягаться с ней она непременно потерпит фиаско, не выдержав одновременно усиления армии и флота, и это, по расчету Англии, должно случиться не позже конца 1913 года, к какому времени и следует ожидать падение адмирала Тирпица и возможности так или иначе сговориться с Германией, не теряя вместе с тем ни своего мирового положения и не рискуя безопасностью...» В конце агент добавляет очень важное «если».

«Если только, конечно, не случится крах, если Германия предпочтет насильственным путем разрешить вопрос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.